

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Елизавета ШУМСКАЯ

ПОСОБИЕ ДЛЯ
НАЧИНАЮЩЕЙ ВЕДЬМЫ

Издательство Альфа-книга

Елизавета Шумская
Пособие для
начинающей ведьмы
Серия «Записки маленькой
ведьмы», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=155151

Альфа-книга;
ISBN 978-5-9922-0063-8

Аннотация

Ты – деревенская знахарка. Не нравится? А что ж ты хочешь? Нового захотелось? Приключений? На самую Магическую Академию замахнулась? А ты знаешь, сколько тебе придется пережить? Сколько пройти? А ты ни магией, ни мечом. Не страшно? Ну коли не страшно, то вот тебе пособие для начинающих и... вперед!

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	69
Глава 3	122
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Елизавета Шумская

Пособие для начинающей ведьмы

Часть первая

Что делать знахарке?

Глава 1

Снежные волки

*Жутким плачем расколется ночь,
Всё, никто мне не сможет помочь,
Застынет под окнами беженный вой,
Это снежные волки пришли за мной.*

Настя

В эти призрачные зимние дни снег заполонил все. Земля была укутана им, как боярыня собольиной шубой. Деревья больше походили на сугробы. Даже небо, казалось, не справлялось с его количеством – снегопад не прекращался уже какую неделю.

Посреди этого белого чутко спящего мира брела по лесу невесть зачем одинокая женская фигура, упрямо пробираясь в самые дебри. Метель мгновенно стирала все следы, но путница целенаправленно двигалась все дальше и дальше.

Но это отнюдь не означало, что она безропотно сносила все «прелести» подобной прогулки. В какой-то момент она остановилась поправить сбившийся капюшон, подняла глаза и оглядела снежное царство, саркастически подумав, что все это необыкновенно похоже на начало хорошей сказки, вроде той, где девочка на зимние праздники отправилась в лес за подснежниками и повстречала Двенадцать Месяцев. Ива (а именно так звали отважную путешественницу) пробиралась сквозь поистине невиданные завалы снега и размышляла. Почему же только двенадцать месяцев, а где в это время были еще два? И в каких местах есть такие диковинные цветы, что растут под снегом?

В руках у девушки было, как у всякой уважающей себя знахарки, лукошко. Она собиралась набрать омелы и, продираясь по бурелому, на чем свет стоит костерила и младенцев, которым приспичило родиться именно зимой да еще в самые морозы, и их матерей, у которых вдруг пропало молоко («Нет, ну право слово, – думала она, – мало им весны, лета, осени, когда растений, улучшающих молоко, плюнь и в какое-нибудь попадешь!»), и влюбленные парочки, которые в преддверии зимних праздников оборвали всю омелу в округе, развесив ее в мыслимых и немыслимых местах, что-

бы безбоязненно целоваться на глазах у целого села. Впрочем, ворчала знахарка больше для проформы. Даже если бы омела росла у нее за порогом, девушка отправилась бы в лес к тому деревцу, что приглядела еще на Купалу. И в бурю и в ураган она все равно пошла бы туда. Ива любила свое дело.

Лес девушка знала назубок, так что заблудиться могла разве что спьяну, да и то вряд ли. С лесим была в приятельских отношениях. Но на этот раз она не стала уведомлять его о своем визите, справедливо рассудив, что тому, поди, тоже неохота выбираться наружу в такой мороз, да и задобрить его было особо нечем. Хоть куры и неслись исправно, но все столь любимые лесим яйца ушли на молодильные зелья. На зимние праздники их чуть с руками не отрывали: женщины – себе, мужчины – на подарки. Иве всегда было интересно, что говорят мужики в таких случаях? «На, дорогая, пользуйся. А то уже смотреть страшно на тебя, старую каргу!» – Так, что ли?

Зимние дни коротки, и скоро синяя тьма смешалась с небом, а заснеженная земля стала светлее. К приглянувшемуся дереву Ива подобралась уже в полной темноте. Но снегопад внезапно прекратился, и месяц услужливо высветил посеребренный лес.

Девушка аккуратно стряхнула снег с ветвей и бережно коснулась листьев. Те легли ей в ладони, узнавая опытную руку. Нож сверкнул золотом в свете луны. Пожалуй, это была самая дорогая вещь во всей деревне, несколько раз его кра-

ли, но он всегда возвращался в семью знахарок. Ива осторожно осмотрела листья, выбирая именно те, которые подойдут ей более всего. Как всегда в такие моменты мир изменился, стал глубже, ярче, полнее. Девушка как свою кожу ощущала гладкие листья, как свою кровь – бегущие по ним соки. Она знала, какие ветви отдает ей растение, и, ласково шепча ему заговор, срезала именно их. Поблагодарив и омелу и дуб, она перешла к другому дереву. Через какое-то время, набрав нужное количество листьев, Ива отправилась в обратный путь.

Ей вспомнились слова старой тетушки, что воспитывала ее после смерти матери: «Омела – это ни женщина и ни мужчина. Ни куст и ни дерево. Она ни то и ни другое. Человек, находясь под омелой, становится свободным от ограничений. Но и мир хаоса может легко до него дотянуться. Это опасное дело, милая, – стоять под омелой». Слова родных всегда возвращаются к нам, неся уже какой-то другой, не тот, что в детстве, смысл.

Уже показались впереди огни в домах, и Ива почувствовала какую-то непонятную тревогу. Снова поднялся ветер. Поземка побежала по снежным курганам. Укутанные в белые шубы деревья вдруг недовольно и сварливо заворчали, скрипя старыми ветвями. Где-то встрепенулась птица. Станный звук, слишком напоминающий стон, пронесся по лесу. Иве показалось, что кто-то ледяными пальцами пробежался по ее

спине под одеждой. Стало страшно. Какой-то первобытный необъяснимый ужас на одно короткое мгновение заставил ее окоченеть. Потом знахарка стряхнула с себя это наваждение. Зима – это время для страхов. Они, как правило, не имеют под собой основы, но сопротивляться им намного труднее. Они живут в твоей душе, на задворках сознания. Днем ты даже не замечаешь их. А вот ночью посреди льда и холода во тьме зимнего леса... ты с ними один на один.

Хотя все же именно зимой стоит быть намного осторожнее. Нечисть всякая и звери дикие как раз оголодали до одури, сбились в стаи, поди попробуй с ними договориться. Зимой можно заблудиться и тогда точно замерзнешь. А кроме того... кроме того, есть еще кое-что, чего стоит бояться. Снежные волки вышли на охоту. Снежные волки... это страшнее всей нечисти, нежити и зверей. Им не нужно мясо или кровь, они заберут твою душу, унесут ее своей призрачной королеве, и не останется у тебя покоя в сердце. Будь ты девушка или юноша, семейный мужчина или женщина с кучей детей, старик или старуха – все едино: пойдешь ты вперед по змеящейся под ногами дороге вдаль куда глаза глядят. И не захочется тебе больше ни счастья, ни спокойствия. И будет в душе твоей только путь бесконечный, а в сердце – песни снежных волков...

Ива снова тряхнула головой. Сказки все это. Нет на самом деле ни снежных волков, ни их королевы. И верят в это только дети и неудачники. Но тем не менее она что-то чувство-

вала, а это значит, лес что-то хотел ей сказать. Нечто нехорошее произошло в лесу. Ох, как бы беду не накликать...

Месяц довел девушку до дома и с чувством выполненного долга скрылся в облаках. Небольшая избушка встретила ее жаром натопленной печи и запахами только что выпеченного хлеба да сушеных трав.

– Я – дома! – крикнула Ива, борясь с упрямой дверью, никак не желающей закрываться. Вновь поваливший снег быстро набивался через щель за порог. Бесовщина какая-то, надо попросить Хоньку починить, думала знахарка, перетягивая дверь с ветром.

– Где тебя носит?!

О, легок на помине...

Из темноты вынырнула высокая мужская фигура. Светловолосый сутулый парень подошел к девушке, отобрал лукошко и без видимых усилий захлопнул непокорную дверь.

– О-о, спасибо, – выдохнула она, разматывая платок.

– Где ты шляешься, я тебя спрашиваю?! – Хон поставил корзинку на пол и помог знахарке освободиться от шубы.

– Вроде ты не знаешь – из леса иду.

– А ты что, не видишь, что ночь на дворе?! Ушла невесть когда! И все нет и нет! Ну где можно столько лазить?!

Объяснять что-то Хоньке было абсолютно бесполезно, равно как и спорить с ним. Пока он не выскажет все, что он по этому поводу думает, остановить его было невозможно.

Поэтому Ива, делая вид, что внимательнейшим образом слушает, подхватила лукошко и двинулась в комнату, где, собственно, и делались все зелья и снадобья.

– Ты меня вообще слушаешь?!

– Ага, – меланхолично подтвердила она. – Слушай, а где тетушка?

– А-а, ты ж не знаешь. – Хон немного помолчал, видно, решая, продолжить ли ему нравоучения или получить удовольствие другим способом, а именно – рассказать последние новости.

– Пока ты невесть где шлялась, в деревню приехал... – Он дождался, пока она вопросительно подняла на него глаза, оторвавшись от раскладывания омелы по столу, – ...менестрель.

– Что, правда? Настоящий менестрель?

– Ну а какой еще?

– Что и песни поет?

– Еще какие!

– И сказки бает?

– Закачаешься!

– Здорово! А что ж тут сидишь? Иди послушай, мне потом расскажешь!

– А ты?

– Да мне снадобье надо сделать, а то у всех троих матерей совсем молока нет. Помрут, не ровен час, еще дети...

– Да хватит тебе, давай хоть немного послушаем, – начал

канючить парень.

Ива и Хон дружили с детства. Это сейчас он был длинный, худой и жутко сутулый. Ива помнила, как он был совсем мелким карапузом. Вот тогда-то они да еще компания детей и повстречали разъяренную рысь. Ударом одной лапы она сразу пришибла одну из девочек, бросилась на другую. Все остальные с воплями разбежались. А совсем тогда маленький Хон схватил камень и с силой ударил рысь по носу. Та кинулась на него, располосовала половину лица, груди, чудом не задев ничего жизненно важного. Но задела бы, если бы Ива не стала хлестать ее по морде игольчатым репьем. Детям повезло: девочка попала рыси в глаз, отчего та выпустила из лап Хона и из-за боли не сразу бросилась на обидчицу, так что односельчане успели добежать и прибить взбесившееся животное. Руки, исколотые ядовитым репьем, тетка Ивы вылечила, но раны Хона до сих пор напоминали о себе ужасающими шрамами через все лицо, часть шеи и груди. С тех пор мальчик стал носить длинные волосы, завешивая ими лицо, и сутулиться, а у Ивы появилась мечта: создать такое зелье, чтобы навсегда избавить его от этих меток. А еще они стали лучшими друзьями, что было непросто: хоть знахарок и уважали в деревне, а все равно они всегда были под подозрением. Ведьма, знахарка. Знахарка, ведьма, кто же их разберет, лучше держаться подальше от греха-то...

Как и следовало ожидать, Иве удалось послушать менестреля лишь много времени спустя. Зато почти вся деревня

была на концерте, в том числе, как с негодованием обнаружила знахарка, и все три новоиспеченные матери. Ива тут же решила устроить им разнос. Впрочем, даже после этого девушка краем глаза уловила, что не все из них отправились к колыбелям.

Менестрель знахарке не понравился. Он был невысок, худ, с желчным острым лицом и давно немытыми волосами до плеч. Когда Ива подошла, бард как раз закончил очередную балладу и поднял на нее взгляд. Девушка вздрогнула. Глаза менестреля были настолько светлые, что казалось, радости нет вообще.

– Может, девушка, которая только что подошла, захочет что-нибудь услышать? – Голос менестреля был резок, пожалуй, слишком высок и чем-то неуловимо оскорбителен. Все обернулись на Иву. Знахарку все же не особо любили в деревне.

– Спойте еще раз про веселую мельничиху! – Этот голос раздался из-за ее спины. Обернувшись, Ива обнаружила Матинку, одну из первых деревенских сплетниц, причем самых злобных. Как же это она, интересно, пропустила хотя бы часть такой потехи, подумала Ива.

– Желание дамы для меня закон, – залихватски поклонился бард.

И запел. В первую минуту Ива была поражена. Когда менестрель пел, его голос становился сильным, глубоким, затягивающим как поцелуй. Звуки лютни только оттеняли этот

переливчатый тембр. Менестрель пел и пел, а перед слушателями плыли зеленые поля, белогривые реки, высокие травы, стяги на гордых башнях, армии в блестящих доспехах, паруса на мачтах огромных кораблей, седые вершины гор, драконы в золотой чешуе... И слышали они песни ветров, рог, зовущий в бой, стук копыт, шум листьев в кронах деревьев заповедных лесов, плеск волн, хмельные песни, музыку эльфов да звон оружия...

Уже дома, в очередной раз сражаясь с непослушной дверью, Ива никак не могла прийти в себя. В ушах все еще стояли голос и музыка. А в сердце звучали странные чудесные мелодии чужих далеких земель.

Как только дверь оказалась закрыта, в нее тут же постучали, мало того – загрохотали кулаками. Знахарка распахнула ее и увидела своего соседа, как раз того, у которого недавно родился сын. По его лицу она поняла, что произошло что-то страшное.

– Что?! – только и могла произнести она. Сердце сжалось так, как сжимается только в предчувствии плохих вестей.

– Маленький... – задыхаясь, выговорил он. – Маленький...

Ива схватила котомку со снадобьями и бросилась к третьему дому. Едва увидев ребенка, она обреченно поняла, что спешка была излишней. Мальчику уже ничто не могло помочь. Более того, он был мертв уже несколько часов. Старая бабка, с которой его оставили, все так же спала, присло-

нившись спиной к печке. Ее не разбудили даже крики матери и рыдания родичей. Если бы не хриплое дыхание, ее тоже можно было принять за покойницу. Но правда такова – мертв был ее полуторамесячный правнук.

Знахарка провела несколько часов в соседском доме, откачивая родственников и выполняя определенные для таких случаев обряды, а когда наконец добралась до дома, улеглась в постель, то заснуть не получилось. Перед глазами стояло лицо мертвого мальчика, и девушка чувствовала себя виноватой. Как будто это она недосмотрела, не уберегла. Тихо завывал ветер за деревянными стенами. Потрескивали угли в печи. Тихо возился домовый. Даже не верилось, что смерть прошла так близко.

В очередной раз перевернувшись на спину, Ива ощутила тяжесть на животе, а в темноте сверкнули желтым два круглых глаза.

– А чтоб тебя! – дернулась знахарка. – А ну брысь с меня! Сколько можно повторять – не делай так!!!

– Тебе чего не спится, хозяйка? – примиряюще прогудел домовый, устраиваясь рядом.

– Ребенок у Каганов умер. – Девушка села на кровати и обхватила колени руками, слушая горестные вздыхания домового.

– И с чего ему умирать? – вдруг спросил он, напричитавшись всласть.

– Вот и я о том же думаю, – подхватила знахарка. – И покормлен был, и в тепле. На теле ничего подозрительного нет. Я его два дня назад осматривала, здоров был как... как его отец. Так что же могло случиться?

– Иногда люди просто умирают, – пробормотал домовый, явно пытаясь ее успокоить.

– Не нравится все это мне, ой не нравится. – Ива еще долго распылялась на эту тему. Домовой уже сам был не рад, что затронул ее. Потом она вдруг замолчала. – Слушай, а ты ничего не знаешь по этому поводу?

– Я? Да откуда? – как-то неискренне ответил тот.

– Точно? А то Каганиха старшая мне давеча жаловалась, что уже три дня в доме спокойно спать невозможно. Шум какой-то, будто стонет кто али плачет, посуда сама по себе бьется. Ты точно ничего не знаешь?

– Не-е...

– И куда только домовый их смотрит?! Где ж это видано, чтобы такое творилось в доме?!

Знахарка краем глаза наблюдала за собеседником. Он явно что-то знал, но говорить пока не собирался. Насколько она понимала ситуацию, ему надо было посоветоваться с сородичами-коллегами. Нечисть весьма неохотно посвящала людей в свои дела. Но при подобном повороте событий Ива была уверена – наутро ей будет известно все, что известно домовым.

– Ты поспрашивай, что там случилось, а?

«Избяное счастье» пообещало и сгинуло, пока еще что-нибудь не заставили делать.

С домовыми Ива зналась еще с детства, что немало способствовало бытовому комфорту. Мелкая нечисть вовсе не была такой уж покладистой, но девушка смогла договориться и с ними. Чего только не сделаешь ради себя любимой. Со временем у них установились почти дружеские отношения.

Наутро перед знахаркой предстала целая когорта домовых.

– Мы эта... решили рассказать... в общем, про то... – Самый старший начал разговор после взаимного обмена любезностями.

– Что не так в доме у Каганов? – мягко подбодрила она.

– Ага. Что не так...

– Так что же? – Девушка знала, что ни в коем случае нельзя раздражаться при разговоре с мелкой нечистой, иначе замкнутся и вообще ничего не скажут. Поэтому тон ее был ласков и спокоен.

– Там... насчет домовых... они...

– Что они? – снова пришлось спросить ей, когда пауза затянулась.

– Их нет в этой избе. – Домовой посмотрел на нее так, как будто это должно было все объяснить.

– Как так нет?! – Вот те раз, Ива про такое даже и не слышала. – Там же целая семья жила! – Это она точно знала, по-

тому как пару месяцев назад лечила одного из их детенышей.

– А больше нет, вот.

– Почему? – «Только не злишь, Ива!» – думала она. – Что произошло в доме, что из него ушли домовые? Ведь и изба большая, и хозяйство есть, и хозяева хорошие – не злые и рачительные. Так что заставило целую семью домовых уйти?

– Кикимора там завелась, – проворчал старшой домовой.

– Кикимора?! Почему же ничего не сказали?! – Нет, вы только подумайте, семью домовых кикимора выжила, а они молчат, пеньки дубовые!

– Так сами думали справиться, – заволновалась нечисть.

У Ивы аж язык отнялся от подобной глупости. Если кикимора поселилась в доме, где уже живет другой хозяин, это значит, люди «добрые» постарались.

А потому только люди ее и выселить могут.

– И давно?

– Да уж пару лун...

На охоту на кикимору Ива взяла только Хоньку. Для начала она выпроводила всех из избы под предлогом «отваживания смерти от этого дома», потом у окон и двери выложила дорожку из веточек можжевельника.

– Надо же, как странно... – пробормотала она.

– Что странно? – тут же влез Хон.

– Да так, потом расскажу, – знахарка озадаченно почесала затылок, – когда сама пойму. Слушай пока, какой у нас план

действий. Кикимора из дома выйти не сможет теперь.

– Почему?

– Через можжевельник ей не пройти. У всякой нечисти есть свое слабое место. Вот кикиморы не переносят можжевельник. – Девушка оглядела исколотые руки. – Я их даже понимаю. Ну ладно, дальше... э-э... Кикимору сюда явно подсадили, так как она не могла сама завестись в доме, где уже жили домовые. Значит, надо искать куколку или чем ее там в дом перенесли. Это моя забота.

– А я что буду делать?

– Вот как раз об этом я и хотела сказать. Ты садись к стене. Ага, вот так. Тебе всю комнату видно?

– Ага.

– Держи. – Ива сунула ему в руки тряпичный ком.

– Это что еще такое? – Хон с недоумением рассматривал большое полотнище и веревку. – Это еще зачем?

– Кикимора, как и многая другая нечисть, – лекторским тоном начала объяснять знахарка, – может быть невидимой, а также мгновенно перемещаться с места на место. Когда я найду куколку, брошу ее об пол, кикимора на время станет видимой. Твоя задача набросить на нее полотнище и попытаться связать.

– А полотнище-то зачем? Не проще ли сразу связать?

– А ты сможешь сразу связать мелкую увертливую кусачую нечисть? А так мы хотя бы будем ее видеть.

– А что она не сможет сразу сбросить полотнище?

– Сразу – нет. В веревку вплетена медвежья шерсть. Это ее замедлит и ослабит. И во имя всего святого, Хон, не рас-
терайся. Упустишь момент, не поймает же!

– Не трусь, крошка, все будет в лучшем виде.

– Охо-хонюшки...

– Хватит причитать. Давай лучше ищи уже куколку.

Ива сверкнула на ухмыляющегося друга темными глазами, но спорить было не о чем, поэтому она занялась поисками. Слава богам, думала она, что кикимора появилась недавно в доме, то есть куколка всунута туда, где мог человек ее достать. Вот если бы ее заложили при постройке дома, пришлось бы всю избу разбирать. Под лавками, за печью, в стенных щелях, среди горшков и прочей утвари ничего подозрительного не нашлось. Девушка даже посмотрела за образами.

– Нет ничего... кроме пыли и мусора. Сразу видно, что домового нет, – проворчала она.

– На полатах посмотри, – посоветовал Хон.

– Точно! – Ива полезла наверх. – Ты только смотри в оба, Хон. Я крикну, когда найду.

Ползать на животе по полатам было ужасно неудобно.

– Ну что? – не выдержал приятель. Ива пыхтя добралась до края и свесила голову вниз, чтобы видеть собеседника.

– Ничегошеньки.

– Вот гоблин!

– Точно!

– Да где же она может быть?! Ты не могла ошибиться?

– Вряд ли. – Ива закрутила головой: мышцы уже начало сводить судорогой от неудобного положения. Ее взгляд уперся в матицу. Матица! Главная балка в доме, ну конечно же! Там должна быть щель, если уж закладывать куколку, то только туда!

– Эй, ты чего делаешь? – завопил Хон, глядя, как подруга выделяет немыслимые выкрутасы под потолком.

– Есть, Хон! Нашла! Вот она, сволочь!

Девушка с победоносным видом извлекла маленькую тряпичную куколку из щели над матицей, спрыгнула на пол и стала разглядывать поделку. Куколка лишь отдаленно напоминала человечка. Но для подселения кикиморы этого хватило. И ребенок умер.

– Приготовься, Хон! Бросаю.

Ива сжала куколку в кулаке.

– Гой еси, кикимора, выходи!

И с силой бросила ее об пол. В тот же момент маленькое, похожее на безобразную скрюченную старушку существо оказалась у печки. Хон не подкачал – с воплем, очевидно, призванным если не напугать, так рассмешить нечисть – набросил на нее полотнище и схватил. Но кикимора оказалась увертливой, ловко выскочила из его рук и с писклявым визгом бросилась к двери. Из-за полотнища она ничего не видела, но можжевельник почуяла и шарахнулась к окну. Но и там лежали колючие веточки. Кикимора заметалась по комнате. Люди бросились ее ловить. В результате трехминутной

бестолковой погони в доме не осталось ничего, что можно было уронить и что не было уронено, но нечисть оказалась связанной, а люди покусанными. Хон, крепко прижимая коленом подвывающую кикимору, оглядывал руки и ругался.

– На, протри этим. Это настой папоротника, против укусов кикиморы самое то. – Девушка перевела взгляд на причину всей этой возни. – Ну вот теперь и поговорим, – нехорошо улыбаясь, произнесла она.

– Что тебе надо, знахарка?! – завопила-завизжала нечисть.

– Ах ты не знаешь, гадина такая?! Ребенка задушила, а теперь ты не знаешь!

– Это не я! – взвизгнула кикимора, отчаянно вырываясь из рук Хона. – Не я это!

– Ах не ты?! Еще скажи, что ты здесь не живешь? Что не ты выжила домовых?! Мне самой с тобой разобраться или родичам малыша отдать?

– Не я это! Не я! Не я!!! – забилась в истерике нежить. – Не я!!! Да, меня подселили! Да, домовых выжила! Но больше ничего не делала! Я даже по хозяйству помогала... правда, получалось не очень...

Это правда – кикиморы или мешали, или пытались помогать по хозяйству. В большинстве случаев результат был один и тот же.

– А мальчика я не трогала!!! Не трогала! Я его даже полюбила! Я ему колыбельку качала, чтобы по ночам не плакал! Колыбельку качала, – плакала кикимора, – колыбельку

качала...

– Что же он тогда умер, если не ты его убила?

– Да чтоб тебе, знахарка! Да как я его смогла бы убить?! Я только задушить его могла, а ведь на ребенке ни царапинки!

Девушка задумалась. Насколько она знала, кикимора за просто могла учинять всяческие неприятности домашним: кидаться подушками, бить посуду, наводить мороки, по ночам пугать, но убить никого не могла. Со взрослым человеком ей не справиться, а на детей кикимора могла напасть только в особо суровую зиму. Поскольку эта кикимора жила в доме, то о голоде говорить не приходилось. К тому же, верно, она могла только душить, убивать не притрагиваясь она не умела.

– Допустим, я тебе поверю. Так кто же, как не ты, повинен в смерти ребенка?

– Я не знаю. – Кикимора сжалась в комочек и мелко задрожала. – Не знаю.

Ива ей не поверила. Она видела, что нечисть напугана. А что может ее напугать? Даже думать об этом не хотелось.

– Отдам Каганам, – пригрозила девушка.

– Да не знаю я! Не знаю! – опять сорвалась на визг та. Ох, как же трудно с нечистью!..

– Но что-то ты знаешь? – вкрадчиво проворковала знахарка.

– Я правда не знаю, что это, – жалобно пропищала несчастная узница.

– Что – это?

– Это...

Кикимора стала рассказывать. Когда все ушли слушать менестреля, а старая бабка уснула, она выбралась из подполья и принялась заниматься своими делами: горшки перебирала (парочку, конечно, уронила), пряжу стала допрядать за хозяйкой. Когда та совсем запуталась (уж и не знаю почему), кикимора почувствовала приближение *этого*...

– Чего *этого*? – спросил Хон.

– Не знаю, что это такое. Но оно уже давно подбиралось к дому. Третьего дня началось...

– Вот ты и была все время, покоя хозяевам не давая, – догадалась Ива. – Хоть до этого два месяца спокойно прожила.

– Да, – тихонечко заскулила нечисть. – Предупредить хотела. Ведь чуяла, чуяла, что-то будет... – Кикимора заплакала. – Вот оно-то маленького и... Маленького...

– Перестань, – прошептала Ива. – Лучше расскажи, как оно выглядело.

– Не знаю, – всхлипывала та. – Мне страшно так стало, страшно. Ужас по спине полз...

Почувствовав приближение «ужаса», кикимора спряталась за печку. Страх полностью завладел ею. Бабка спала, и то, что вошло в дом, ее не тронуло. Ему был нужен ребенок. Кикимора почувствовала, как из него уходила жизнь, так четко, будто видела это. Потом существо исчезло. Страх ушел много позже.

– И ты ей веришь?! – вскричал Хон, хотя по его лицу было видно, что рассказ произвел на него впечатление. Ива посмотрела на кикимору. В глазах той еще стоял ужас. Потом девушка вспомнила холодные пальцы страха на своей спине, она тоже почувствовала приближение чего-то зловещего. Да, Ива верила ей.

– Думаю, это правда, Хон. – Девушка снова посмотрела на узницу. – Скажи, кто тебя сюда «подселил»?

– Не знаю.

– Говори немедленно! – рявкнул Хонька. Дипломат из него был никудышный, зато пугач хоть куда.

– Не знаю. Я не могу его видеть.

– Да, точно, – вспомнила знахарка. – Она правда не может видеть эту гадину. Но ведь как-то ты поняла, что должна здесь жить.

– Зов слышала.

– Какой зов?

– А вот от нее. – Кикимора указала на куколку.

– Что это значит? Она же неживая, – невесть у кого спросил парень.

– Куколка – это всего лишь символ, – объяснила знахарка другу. – Если просто сделать такую же и кому-нибудь подбросить, ничего не произойдет. Чтобы подействовало, надо провести соответствующий обряд. Вот тогда-то кикимора и слышит зов. А куколка привязывает ее к определенному месту. Своего рода собачий ошейник, только желанный. Он да-

ет кикиморе своеобразное право на проживание в доме, поэтому-то она так легко и разделалась с домовыми.

– Ничего себе легко, – хмыкнула нечисть.

– Ты лучше не хмыкай особо. С тобой еще домовые Каганов не разобрались, а ты им жизнь изрядно попортила. – Кикимора явно приуныла. – Лучше скажи, какой был зов?

– Э... а... не знаю, как передать...

– Ну хотя бы... мужской или женский голос?

– Женский, – сама себе не веря, произнесла та. – Точно-точно – женский!

– Узнать сможешь?

– Наверное, – не слишком твердо пробормотала кикимора.

– Так, ну ладно. Скажи мне еще вот что: кто же это терновник из-под порога убрал?

– Терновник?! – вскрикнул Хон. Все знали, что его иголки не пускают в дом нежить. – Может, его тут и не было? Нет, был. Точно помню. Ты его сама укладывала. Тогда я тебе потом еще руки мазью какой-то вонючей мазал. Ты искололась, когда тебя Браг по задку шлепнул, а ты его этим терновником по лицу в ответ. Да только силы не рассчитала, так руки сжала, что сама и поранилась. Точно-точно, вот тогда-то я вонь эту и терпел, мазь тебе по рукам размазывая.

– А сам?! Кто тебя потом перебинтовывал, когда ты драться с этим придурком полез?!

– Так ведь победил же!

– А зачем вообще полез?! Я и сама могу за себя постоять. Мне потом его пришлось еще и после твоих кулаков лечить.

– Кто-то должен тебя защищать!

– Всё! Слушать этого не желаю! Когда ты, кикимора моя дорогая, появилась в доме, был терновник под порогом?

– Был.

– А когда исчез?

– Не помню.

– Не помнишь или не видела?

– Помню, что его убрали. А кто – не помню.

– А ты подумай! Может, хоть голос там или еще что...

– Знаешь, знахарка, а ведь я не помню этого самого, потому что не видела.

– Что? – опять не понял Хон.

– Она не видела того, кто убирал терновник.

– И что это значит?!

– Это значит, милый друг, что, скорее всего, терновник убрал тот, кто и кикимору подселил.

– Вот гоблин!

– Согласна. Ладно. – Девушка снова обратилась к нечисти:– Куколку я заберу и сожгу. Ты от нее будешь свободна. Пойдешь ко мне в дом, домовому скажешь, что от меня. Пусть он тебя в каком сарае пристроит. Ты мне еще понадобишься. И не высовывайся. Ты сейчас многим насолила. – Ива убрала можжевельник с порога. Кикимора, не веря в такое счастье, ускакала.

Ива как раз сжигала куколку за околицей, когда услышала музыку. Она обернулась. На коротком полене спиной к погрузившейся в снег по самые окна деревне сидел менестрель. В руках у него была флейта. Из нее-то и лились звуки, а бард внимательно, оценивающе разглядывал девушку. Только она приготовилась рывкнуть, чтобы убрал глаза с ее частей тела, пока они (сиречь глаза) не оказались в одной его части тела, совсем для этого не предназначенной, как вдруг менестрель пропал. И деревня исчезла... Вместо заснеженного села вокруг, насколько хватает глаз, простиралась цветущая равнина. Небо стало голубым, а солнце – в самом зените. Незнакомые ей травы застилали луг, волнуясь как волны под ласковым летним ветром. В воздухе носились ароматы меда и сена, кружа голову игристым вином. На камне сидел темноволосый мужчина в роскошном белом одеянии и смотрел вдаль. Под звуки каких-то прекрасных, почти нереальных голосов по бескрайнему небу плыл серебряно-хрустальный замок. Звонкое ржание зазвенело в теплом чистом воздухе. Навстречу мужчине из летящего замка мчался ослепительно-белый единорог.

Ива тихонько ахнула от восхищения. И в этот же миг перед ее глазами снова оказалась тихая, погребенная под снегом деревенька с покосившимися заборами и нестройным лапнем дворовых шавок за ними.

Менестрель смотрел на девушку и ухмылялся. Ива сцепи-

ла зубы:

– Это ты мороками балуешься, менестрель?

Тот все так же оценивающе и насмешливо ее разглядывал.

– Что ты видела, знахарка? – наконец подал он голос.

– Я и не думала, что ты мороки наводить умеешь. Ну надо же! – издевательски протянула она. – Только, знаешь, нет таких мороков, что на пользу человеку направлены были бы. И тебе я не советую еще раз на мне свое «искусство» пробовать, а то заболеешь вдруг ненароком чем-нибудь... неизлечимым. – Ива гаденько улыбнулась и пошла прочь.

– Что ты видела, знахарка? – только услышала она вслед.

– Что это ты сегодня смурная такая? – Хон положил теплые ладони ей на плечи, помогая освободиться от тяжелой шубы. Бои с дверью он взял на себя.

– Все-то ты видишь, – ласково улыбнулась ему Ива. – У меня такое чувство, что я что-то упускаю.

– Ты про того, кто подсадил Каганам кикимору? – Хон сел за стол и принялся беззастенчиво уплетать приготовленные тетушкой Ивы оладьи. Его давно в доме перестали считать чужим. Интересно, а где тетушка целые дни пропадает? – Как ты думаешь, кто мог так ненавидеть Каганов, чтобы это сделать?

– И кто мог убрать терновник из-под порога? И если кикимора действительно говорит правду, что за существо вошло в дом? Нечисть? Нежить? Что за монстр убил ребенка,

если это действительно так? Сам он пришел или его тоже напустили?

– Если сам, значит, какая-то дрянь бродит поблизости и вся деревня в опасности.

– А если нет, то какая же сила заставила его пройти через всю деревню и войти в человеческое жилье? И ведь как нарочно – все слушали менестреля, и никто ничего не видел!

– И снег шел – следов не осталось.

Ива замысловато выругалась.

– Что же я упустила?!

Перед выступлением барда знахарка обошла все дома, проверила терновник на входе. Ни у кого больше он не пропал. Она села на лавку и приготовилась слушать.

– Знахарка, зайди к нам сегодня вечером. У деда снова спина болит.

– Зайду...

– Травница, не посмотришь на корову нашу? Что-то там с выменем не так.

– Посмотрю...

– Я завтра забегу, хорошо? Погадаешь на... ну сама знаешь...

– Погадаю...

– Мне кажется, меня сглазили... или порчу навели.

– Заходи завтра...

– Слушай, ну ты прости за... ну что... тогда... по задумке тебе... Не хотел тебя обидеть... Ты просто мне нравишься. Может, прогуляемся сегодня после выступления, а?

– Отвали!

– Ну Ива! Да ладно тебе обижаться! Я же тебе нравлюсь, я всем нравлюсь. Ну давай встретимся!

– Еще раз заикнешься на эту тему, лишай будет, как и у приятеля твоего!

«Как же они мне надоели! – думала, вежливо улыбаясь, знахарка. – И ведь они не виноваты, что мне неинтересно лечить их болячки и выслушивать одни и те же сплетни. Нет, вы только посмотрите на эту каргу! Уже пятерых мужиков в могилу свела, а все туда же – „замуж хочу, замуж хочу“. Мужиков жалко, у нас и так рабочих рук не хватает. Или этот старый пень – сколько себя помню, у него всегда что-то болит: то нога, то сердце, то бок заколол. На мой взгляд, если тебе за сто семьдесят и у тебя что-то болит, радуйся – ты еще жив. Не пойду к нему, опять будет раздеваться и просить, чтобы я его осмотрела, нет ли следа какой болезни али порчи. Старый извращенец! Им даже хвори брезгуют. Да что там болезни, сама смерть стороной обходит. А эта красавица... за последние два года я перегадала ей на всех парней из нашей деревни... и из трех близлежащих. Будем надеяться,

она не скоро в город соберется. Ой, мамочки мои, Матинка идет! Куда бы спрятаться?! Достала уже. Ну что я могу сделать, если у нее нет детей? Все, что могла, сделала. Кто ж виноват, что не помогает? Может, если бы других людей с грязью перестала смешивать, боги и смиростивились. Надо же, сегодня у богов, очевидно, хорошее настроение – эта мымра мимо прошла. Интересно, у нее в роду не было василисков?... Да-а, с таким отношением к людям я скоро сама буду похожа на гарпию. Веселенькое же ждет меня будущее».

Но вот тишина, наконец, установилась. В воздухе как стрелы зазвенели струны.

Менестрель начал петь. Музыка заполонила деревню. Она сломала похабное равнодушие и холодное презрение. Она заставила плакать и смеяться. Она говорила, что весь этот огромный близкий и дальний мир прекрасен, и интересен, и весел, честен и отважен. Было наивно верить в отважных героев и красивых принцесс, но почему-то люди боялись, когда те бросались навстречу опасности, и радовались, когда они въезжали – обязательно на белых конях – в ликующие города. Голос, сильный и влекущий, казалось, касался кожи. Ива прикрыла глаза и вслушалась в музыку. Мелодия словно знала короткую дорогу к сердцу и разуму. В голове причудливо переплетались звуки, мысли и образы... и что-то еще... Знахарка насторожилась. Ощущение напоминало то, что появлялось у нее, когда она срезала растения. Как будто у нее образовался еще один орган чувств. Воздух стал плот-

нее, краски ярче. От сердца пошла волна тепла, а пальцы напряглись. Что же это такое странное в музыке?!

Флейта.

Флейта – вдруг поняла Ива. «Я слышу лютню, голос и флейту! Но откуда звуки флейты? Ведь человек не может одновременно петь и играть на флейте...» Девушка открыла глаза. Бард улыбался ей. Он ее не боялся. Знахарка привыкла, что связываться с ней опасались. Ведьма, знахарка – какая в сущности разница? Ей не было нужды ссориться с заезжим певцом, но она чувствовала исходящую от него неясную угрозу. Откуда такое ощущение? И почему же ей так страшно?

Шумная толпа односельчан наконец рассосалась по домам. Ива и Хон одни стояли посреди единственной улочки и молчали.

– Это прекрасно, да? – Голос Хона был так мечтателен и ласков, что она почти его не узнала.

Девушка хотела что-то ответить, может, даже рассказать о том, что ей послышалось, как вдруг стало ужасно холодно, – так, что Ива не могла пошевелить даже пальцем. В этот миг она почувствовала себя совершенно беззащитной и обреченной. Сознание помутнело от невыносимого ужаса, от страха, заполнившего все вокруг. Что бы это ни было, оно – хуже всего, что травница могла себе вообразить.

– Эй, ты в порядке? – Хон тряхнул ее за плечо. – Что мол-

чишь-то?

Ива молча смотрела в лицо другу. Оцепенение прошло. Даже сквозь шубу она чувствовала тепло его рук. Казалось, его взгляд размораживает ее своей заботой.

– Да что с тобой, в конце концов?!

Девушка скользила взглядом по изуродованному лицу друга, и оно показалось ей немыслимо прекрасным. Не удержавшись, она прикоснулась к его щеке и, заглядывая в серые глаза, полные тревоги и чего-то еще – она никогда раньше этого не замечала, – и прошептала:

– Волки воют.

Он накрыл большой ладонью ее пальцы:

– Это не волки.

– Как не волки? – Ива недоуменно сдвинула темные брови.

– Может, и волки, только необычные. Так настоящие волки не воют.

– Да брось! Зима давно уже, они оголодали, да и далеко они. Вот и кажется невесть что.

Он и сейчас смотрел на нее, но что-то в его взгляде изменилось. И ей это не нравилось.

– Может, и так, – как-то грубоват стал голос. – А может, и нет. Ты ничего не хочешь мне сказать?

«Какая избитая фраза... – подумала она. – Только вот ответить на нее нечего».

– Ты думаешь, это тот монстр?

— И это лучший вариант, — хмыкнул Хон. — Пойдем, нечего на морозе стоять.

Вот и пойми его...

Как и следовало ожидать, уснуть Иве не удалось. Мало того, что умер мальчик, появился монстр в округе, этот менестрель странный не уезжает, так еще и Хонька начал концерты устраивать!

Неспокойно как-то на душе...

Что-то это все напоминает, такое знакомое... Похоже, из преданий да небылиц... Только что вот?

Откуда эта тревога, от которой аж живот сводит?...

Этот менестрель... как же ему удастся одновременно петь и играть на флейте? И слышит ли кто-нибудь еще ее? Надо у Хоньки спросить.

Может, это волшебная флейта, что играет сама по себе? «Менестрель ведь умеет приколдовывать — на меня же морок навел. И какой странный. Мир прекрасный как мечта. И столь же нереальный. Летающие замки из серебра и хрусталя, белоснежные единороги... Чушь какая... Но в тот миг я словно стояла рядом с черноволосым мужчиной, чувствовала теплый ветер и запахи чужих трав и видела, как приближается ожившая легенда. Ведь единорогов не существует, не так ли? Как и летающих замков. Интересно, что за травы могут так пахнуть? Вот бы узнать!»

Волшебная флейта... «Где же я слышала это? И почему

же мне так страшно? Причем ведь иногда и опасности никакой...»

А не могут ли все эти события быть связаны?

С самого утра Ива скрепя сердце взяла несколько дюжин яиц, кикимору и отправилась в лес. Благо и метель вроде прекратилась. Леший пообещал пристроить кикимору. Потом Ива спросила:

– Ничего странного не происходило?

Леший почесал затылок:

– Дык как тебе казать-то... звери и птицы что-то говорили об ужасе, что сковывает как лед речку, но воно, что бы воно ни было, только мимо проходило. В лесу его нетути. Это уж точно. Может, у водяного или полевиков спросить?...

Но их ответ был точно такой же. Причем дословно. Последний посещенный ею полевик добавил:

– Странно как-то. Что же это такое, если оно нигде не живет? А оно точно завелось не в деревне?

– Уж и не знаю. Вроде нет.

– Знаешь, а ведь есть места, за которые никто не отвечает.

– Это что же за места такие? – нахмурилась травница.

– Не догадываешься? Дороги.

– Дороги? – опешила Ива. – Как можно жить на дороге?

Полевик развел руками:

– Это уж мне неизвестно. Я и не говорю, что оно там. Но это единственное, что в голову прилезло.

Ива рассеянно поблагодарила, попрощалась и отправилась домой. Через поле идти было не с руки. Девушка вышла на дорогу и пошла по ней, внимательно разглядывая. Снег лежал толстенным слоем, иначе трава что-нибудь ей да сказала. Так, что мы имеем? Дорога. Ива пожала плечами. Дорога как дорога. Дойдя до перекрестка, девушка вспомнила случай, что произошел здесь на днях. Телега кузнеца ехала из города. Кузнец выпивши был после удачной сделки. Встал на телеге в полный рост и, решив прокатиться с ветерком, подхлестнул лошадей. Обычно медлительные клячи рванули в галоп. А кузнец бухнулся в телегу да так с задранными кверху ногами и въехал в деревню. В селе чуть со смеху все не поумирили!

Ива тревожно оглянулась. Она стояла посреди перекрестка, и четыре дороги убегали в стороны от нее. Ни души. Но ощущение опасности возрастало. Распутье всегда было нехорошим местом. Нежить здесь имеет наибольшую силу. Порыв ветра взметнул снег у ее ног и умчался вдаль. Что за?... Знахарка подняла голову. Над ней, ехидно ухмыляясь, качалась на чужих ветвях омела. Ива застыла, а потом, сорвавшись с места, помчалась к деревне. Она вспомнила, где она слышала про волшебную флейту.

Крики знахарка слышала издалека. Целая толпа собралась у дома, где только недавно родился первый ребенок. Это была самая молодая семья. Они-то и поженились мень-

ше года назад. Внутри что-то тихонько взвыло от нехороших предчувствий. Знахарка протолкалась к двери. Молодая мать с открытыми глядящими в потолок глазами сидела на лавке, прислонившись к стене. В углу в кругу родственников стоял на коленях ее муж. И женщина и ребенок были мертвы. Казалось, смерть просто прошла рядом и мимоходом выпила их жизни, оставив тела совершенно нетронутыми.

В комнату пробралась тетушка Ивы. Девушка перевела на нее взгляд. Ива знала, что тетушка очень стара – старше всех в деревне, но она никогда не выглядела старой – просто светловолосая, как и все на селе, немолодая женщина.

Старшая знахарка наклонилась к столу и понюхала кружку, стоящую рядом с мертвой женщиной.

– Яд, – вынесла она свой вердикт.

– Яд? – глухо повторил кто-то.

– Да, яд. – Пожилая знахарка перешла к концу стола. – Яд в кувшине с квасом.

– Что, что с ребенком?! – загомонили те, кто все-таки добрался до двери.

– Сие мне неизвестно. Но это то же, что погубило мальчика Каганов.

Ива дрожащими руками поковырялась под порогом.

– Терновника нет, – прошептала она.

– Что?

Она повторила:

– Он был здесь. Я сама клала его пару месяцев назад. – Ива

попыталась вернуть свой голос с визгливого на нормальный тембр.

– Нежить?

– Не знаю...

– Где менестрель?! – рявкнула Ива. Пора с этим кончать! – Где он?!

– Я здесь.

«Ага, – злорадно подумала травница. – Хорошо, что здесь и староста. И родня погибших и тетушка».

– Что тебе надо, знахарка?

– Как тебя зовут, менестрель?

– Гамельн, милая девушка. – Его голос вновь словно насмеялся над ней.

– Ага! Это он! – подскочила Ива. – Это ты убиваешь детей!

– Что?!

– Гамельнский крысолов! Ты играешь на волшебной флейте. И маленькие детские жизни уходят за тобой! – Девушка поглядела на односельчан. – Помните легенду о Гамельнском крысолове?

– У меня нет флейты, – в наступившей тишине произнес менестрель. – И я не крысолов. Что у тебя еще есть против меня?

– У тебя есть флейта! Я ее сама слышала.

«Почему мне не верят? – лихорадочно размышляла Ива, всматриваясь в скептические лица вокруг. – Обычно им

только укажи на виновника. Может, они заколдованы? Или... неужели я за все годы не смогла завоевать больше доверия, чем заезжий бард за три дня?»

– У меня нет флейты, только лютня. – Не поверить ему было невозможно. Этот голос умел убеждать.

– Ива, ты не права. В обоих случаях, когда умерли дети, его видела почти вся деревня. – Тетушка ей тоже не верила.

– Он мог кого-то с собой привести. К тому же он умеет наводить мороки. Все было нормально, пока он не появился!

– Хорош довод!

– А что это ты так задержался у нас?

– Так метель ведь. Я замерзну раньше, чем до ближайшей деревни доберусь.

– У тебя волшебная флейта есть.

– Нет.

– Я сама ее слышала. И ты морок на меня навел.

– Что я могу тебе сказать? Когда видишь и слышишь что-то, что другие не видят и не слышат, – это дурной признак.

– Ах ты! – Ива замахнулась для удара, но – не успела: чьи-то руки оттянули ее назад.

– Прекрати, – прошипел ей в ухо Хон. – Тебе не верят. Не выставляй себя на посмешище.

Ее возражения пресекла тетушка:

– Кто бы ни был виноват, сдастся мне, что сейчас все маленькие дети в опасности, особенно девочка, что родилась этой зимой. Мы не знаем, что это. Но ему кто-то явно помо-

гает. Ведь кто-то же подсыпал яда в квас.

В общем, порешили на том, что в каждом доме, где есть маленькие дети, будут ежедневно и еженощно дежурить несколько человек из числа самых близких родственников, не пуская в дом никого, какими бы хорошими друзьями они ни были, и не притрагиваясь к еде и питью, пока их не проверят знахарки.

Люди стали расходиться, в избе остались только родственники. На улице Ива снова увидела желчное острое лицо менестреля. Сквозь толпу она впилась в него взглядом, отчаянно сожалея, что тот не умеет убивать. Только предусмотрительно положенные ей на плечи руки Хона не дали ей перейти к более активным действиям.

Бард направился к ней. Он был совсем близко, и Ива приготовилась обрушиться на него с обвинениями, даже уже открыла рот, когда...

– Ты поглядь, как зыркает на него! И чевой-то так на него набросилась?

– Может, у самой рыльце в пушку. Насыпала чего-нибудь не того в зелье, вот и скрыть следы собирается.

– Свят, свят!

– Да кто их, ведьм, разберет.

Голоса были приглушенные, но не единственные. Ты снова оказалась ведьмой, Ива.

Девушка так и застыла с открытым ртом, не в силах поверить собственным ушам. Так что менестрель бил поверх

щита.

– Надо уметь говорить, девушка. Что в твоей деревеньке, что во всем остальном мире, люди верят только красивым словам.

– Ты – убийца!

– Надо знать, когда и что сказать, когда промолчать, когда ухмыльнуться и когда заплакать. Запомни это, девочка.

– Это ты их убил!

– Надо уметь быть убедительной.

– Да кто ты такой, чтобы меня учить?! – В конец вышла из себя знахарка.

– Уж точно не убийца. Но нам с тобой надо поговорить.

– Уж это ты умеешь. Ладно, пойдемте ко мне. Нечего на морозе мерзнуть.

– Ива, – привлек ее внимание Хонька.

– Да?

– Может, надо сначала спросить у домового? Он должен был что-то видеть.

Ива коротко и горько хохотнула:

– Это совсем молодая семья. Они недавно переехали в новый дом. Тут нет еще домового.

После лютого мороза вкусно пахнувшая натопленная изба, мягко говоря, расслабляла. Оставив мужчин воевать с дверью, Ива направилась к очагу. Разливая по кружкам горячий травяной настой, знахарка попыталась разобраться в

собственных чувствах и подозрениях. Она отлично помнила старинную легенду про Гамельнского крысолова. До сих пор эта простая с первого взгляда история из серии ночных да зимних страшилок леденила кожу. Город Гамельн наводнили крысы, и ничто не могло отвадить их огромные прожорливые полчища от полных, набитых зерном и прочей снедью закромов. Не было от них никакого спасения. И город медленно, тихо подвывая от ужаса, погружался в отчаяние. Но однажды пришел человек и заиграл на флейте, и крысы пошли за ним. Все до единой. Крысолов выплыл на лодке до середины озера, а крысы бросились за ним в воду и потонули. Их было так много, что озеро вышло из берегов. Однако обещанная награда не была отдана. Крысолов жутковато улыбнулся и ушел. И за звуками праздника в честь избавления и от крыс и от крысолова жители города не слышали, как вслед за вновь заигравшей флейтой раздается топот маленьких башмаков по деревянным лестницам, по каменным ступеням. Из каждого дома выбегали дети, бросив забавы и игры, шли вслед за дивными звуками флейты, вдаль по дороге, мимо вересковых холмов все дальше и дальше...

Даже вспоминать легенду было страшно. А разве не это сейчас происходит? Слишком уж похож менестрель на описание крысолова: худой, жилистый, лицо такое неприятное. И флейта явно волшебная у него есть. Мороки наводить умеет. Кто знает, что там слышалось-виделось детям, ушедшим вслед за флейтой. В легенде, правда, он их не убивал. Но ста-

ринные легенды всегда полны иносказаний.

«У меня нет права ошибиться. В одном случае погибнет невинный человек. В другом – еще более беззащитные дети. Да, расклад вдохновляет».

Ива хмуро глянула на менестреля, потом на уже что-то жующего Хоньку. Тот виновато пожал плечами и цапнул вторую ватрушку.

– Есть такая легенда... – начала девушка.

– Знаю я эту легенду, знахарка, – перебил ее бард. – Она немало мне крови испортила. Знаю и про город Гамельн, и про крысолова, и про флейту, и про детей. Только невиновен я в этих смертях.

– Скажешь, и флейты, мороки наводящей, у тебя нет?

– Нет, флейта есть. – Мужчина поднял предупреждающе руку. – Только не всякий ее увидит и услышать может.

– Не понял. – Хон напрягся.

Менестрель тяжело вздохнул, поднес руки к губам. И внезапно в его пальцах оказалась небольшая тонкая флейта. Бард осторожно прикоснулся к ней губами, и она радостно откликнулась. Ива разглядывала чудесную роспись флейты с каким-то доселе неизвестным чувством непереносимого любопытства. Безумно хотелось прикоснуться к этому чуду. Флейта, красуясь, начала петь, и знахарка в мгновение ока перенеслась к большому покрытому кувшинками и лилиями озеру. Вокруг стояли вековые дубы. Пели невидимые птицы. Все было такое зеленое: и деревья, и травы, и пруд. Только

одна яблоня цвела ослепительно-белым цветом. Лихой молодой ветер задорно кружился около нее. Она покачивала ветвями, и лепестки, танцуя под его музыку, падали в воду.

Почти не различимая среди стволов деревьев к пруду вышла тоненькая девушка. И платье, и волосы, и глаза были чудесного зеленого цвета. Даже кожа им отливала. Девушка гибко опустилась к воде, локоны соскользнули вслед за ее движением, остренькое ушко показалось за ними. У лесной нимфы были босые ноги и глаза лани.

Музыка кончилась, и видение исчезло, Ива почувствовала себя обманутой.

– Что это было?

– Это одна из нимф леса Уооэд’иннхав, что в переводе с эльфийского означает Лесное озеро.

– Озеро я видела.

– А что еще видела?

– Кувшинки, дубы, девушку в зеленом с зелеными волосами, глазами и кожей. – Ива медленно перечисляла. – И яблоню...

– Яблоню?!

– Да, белую яблоню. Всю в цвету. Ветер колыхал ее ветви и...

– И лепестки падали в зеленую воду.

– Да. Ты тоже видел?

– Нет, я не вижу то, что играю. Но я был там.

– Так это место существует?!

– Да, оно еще как существует. Это самое сердце прекраснейшего из лесов! Лесное озеро, или Озеро в лесу!.. Самый запретный и самый прекрасный лес в мире! Там даже кувшинки прекраснее роз! А яблоня всегда цветет. Каждый лепесток, упавший в зеленые воды озера, становится волшебным. Такие лепестки вылечивают многие болезни, даже неизлечимые. Они дают красоту тем, кто ее никогда не имел. Вода этого озера чище горных ручьев, а ветер в кронах дубов поет лучше, чем барды при дворе эльфийского короля. Травы этого леса мягче ковров, а листья его деревьев похожи на произведения искусства. Этот лес охраняют дриады и белые друиды. Никто без их разрешения не может ступить на священную землю Уооэд’иннахав. И если кто-то все же заслужил эту честь, значит, ему можно спокойно умирать: самое прекрасное в этом мире он уже видел!

– Ты был там?

– Да, я был. Но это неважно. Послушай, Ива, важно сейчас только то, что ты это видишь. Это действительно волшебная флейта. Ее сделали эльфы...

– Эльфы?!

– Да, но... Ива, пойми, если человек ее видит и слышит, значит, у него есть способности к магии. Понимаешь, к магии?! Разные люди слышат ее, но никто никогда не видел еще белой яблони. Обычно видят только озеро и девушку. Если ты видишь яблоню в цвету, значит, у тебя потрясающий дар. Может, не очень сильный, но, безусловно, уже развитый.

– Что же ты такое говоришь?! Я – ведьма, по-твоему?!

– Какая, к лешему, ведьма! Ты можешь стать магом. Как в сказаниях. Последнюю половину столетия маги перестали рождаться. Вернее, не перестали, но людей с магическими способностями становится все меньше и меньше. Это ужасно. А у тебя прекрасные способности. Тебе надо отправиться в столицу и поступить в Университет магии. Если ты выучишься, то у тебя будет прекрасное будущее, поверь мне. Ты за один прием будешь зарабатывать больше, чем твои односельчане за месяц.

– Я не ведьма.

– Ведьма – это та, которая использует свою волшебную силу во вред людям. А ведь можно и делать добро: лечить, спасать, защищать. На худой конец даже в армии короля служить. Всё лучше, чем здесь прозябать.

– Это чем же?

– Здесь ты всегда будешь только ведьмой. Знахарка, ведьма, без разницы, – так считают крестьяне. Твои способности будут развиваться. Однажды ты их скрыть не сможешь, и что тогда? Костер? Может, твои «друзья» и не дойдут до такого, но кто знает? Почему бы проклятие не превратить во благо? Научись пользоваться своей силой, и ты сможешь жить в столице, в прекрасном доме и быть уважаемым человеком. Ты сможешь помочь гораздо большему количеству людей.

– А то место... Лесное озеро, где оно?

– Уооэд'иннхав стоит на границе трех эльфийских госу-

дарств.

– А существует ли летающий замок?

– Да. Это столица королевства фей. Ее называют Фруиган Калэн.

– Что это значит?

– Да, собственно, то и значит. Летящий замок.

– И что единороги есть в мире?

– Ты и единорога видела? Да, есть и они.

– И что трав и деревьев разных много?

– Видимо-невидимо. Лучше всего в них разбираются дриады, друиды, маги-лекари из Университета магии. Впрочем, каждая раса имеет своих умельцев.

– Как я уже понимаю, вопрос о его виновности снят с повестки дня? – Вопрос Хона окунул ее с головой в прорубь.

– Кстати, да... Что скажешь по этому поводу?

До менестреля не сразу дошел смысл вопроса. Потом он немного подумал, пожеывая ватрушку, и пожал плечами:

– Я не знаю, как доказать тебе, что я невиновен.

– Отстань от него, Ива. – В избу, тяжело дыша под весом нескольких платков и шубы, вошла тетушка. «Самое обидное, что у нее дверь всегда безропотно закрывается», – как-то невпопад подумала Ива. – Он единственный, кто не вызывает у меня подозрений во всей этой... – Окончание фразы не годилось для летописи.

– Это еще почему? – надулась блюстительница порядка и справедливости.

– Чужого духа я там не почуяла. Кто-то из наших, из деревенских, там дел натворил.

– А вдруг он тебя как-нибудь да обманул?

– А кому-нибудь это хоть раз удалось? – ехидно спросила тетушка. Ну что ж, у каждого свои таланты: Ива умела варить первоклассные зелья, а ее тетушка приколдовывала знатно. Вот только ее никогда никто не посмел назвать ведьмой, а Ива постоянно слышала это у себя за спиной. – Нет, виноват кто-то из своих. Но это сейчас меня меньше всего волнует.

– Что?! – проревели три голоса.

– Тихо! Истерик не надо! – Знахарка что-то сноровисто искала среди развешанных по стенам трав, шкурок, сушеных лягушек и прочей дряни. – Я все проверила и могу сказать точно – там была нежить. А что это значит?

– Что? – как-то очень тупо спросили все трое.

– Объясняю популярно. Нежить бывает разная. Так?

– Так.

– Вам бы в хоре петь... Бывают всякие ублюдки вроде зомби. Их можно подчинить своей воле. Но такая нежить способна только точно выполнять команды, причем очень простые, требующие только физических действий. Я понятно объясняю?

– Я не до... э-э... не понимаю все равно, к чему вы ведете.

– Так надо слушать, Хон! Все просто. На всякие колдовские штучки такая нежить не способна. Например, приказа-

но убить ребенка, они задушат, или разорвут на части, или оглушат, или...

– Хватит...

– Чей это слабый голос? Думаю, вы поняли; а на детях чего уж точно нет, так это физических повреждений. Тогда сразу приходит на ум второй вид нежити. Эти могут убить, не коснувшись. Эти, по правде говоря, все могут. Упыри там всякие, вампирчики, ну и прочая прелесть.

– Не все вампиры – нежить, – влез с замечаниями бард.

– Знаю, знаю. Большинство-то как раз наоборот; только, как говорится, в семье не без урода. Ну да леший с ними. Так вот... э-э... эти разное могут, только подчинить их практически невозможно.

– А как же некроманты? – опять влез менестрель.

– Окстись, Гамельн! Ну какие в этой глуши некроманты?! Здесь ближе, чем за пятьдесят миль, ни один волшебник никогда и не проезжал! Тем более некромант! Скажешь тоже. Так на чем я остановилась? Второй вид нежити подчинить нельзя. А мы точно знаем, что этой дряни кто-то помогает. Не за красивые глаза же. К тому же такие твари очень редко останавливаются зараз на одной жертве, а ведь он харчит только детей. И почему только детей? Но есть промежуточные гады. И не те и не другие.

– Заложные покойники!

– Молодец, милая! Я всегда говорила, что умом ты не в матушку пошла, пусть ей хорошо будет, где бы она ни бы-

ла. – Тетушка как-то всегда нелестно отзывалась о матери Ивы. – Заложные покойники – это люди, которые как-то не так, не по-доброму, – старая знахарка гаденько ухмыльнулась, – умерли или неправильно похоронены. Этих можно подчинить. Правда, ненадолго. И они способны на всякое колдовское дерьмо. Если человек связывается с ними, то всегда заключает сделку. Уж и не знаю, что получает заказчик, а нежить всегда получает жертвы – мясо, кровь, жизни, эмоции разные. Был случай такой, когда муж умер, похоронили его, а он повадился к женушке наведываться. Пил ее горе. Любовь-то она такая – лишь бы милый был, уж и неважно, живой или мертвый. Еле тогда смогли его отвадить, чуть до смерти не довел девку. Самое страшное в той истории – она сама не хотела, чтобы он уходил насовсем. Только мертвецы, они уже не люди, хоть порой и выглядеть могут так же, и память у них может сохраниться. Им только и нужно от живых – жизненная сила. Кто-то из них ее получает, кровь высасывая, кто-то – убивая, кто-то – горем питается, страхом, отчаянием. А в нашем случае он, похоже, как-то забирает детские жизни. Больше всего меня пугает то, что мы ни... не знаем об этой дряни. Ни разу даже не слышала о чем-то похожем. Детей крали, подменивали, но чтобы убивали! Да где же эта проклятая вербена?!

– Вот она! Что делать будем?! – Иву начало трясти.

– Обычно сделка заключается на какое-либо количество жертв и на какое-то определенное время. Не может же

монстр ждать до скончания дней! Жертвы, думаю, в нашем случае недавно родившиеся дети. Таких трое. Будем надеяться, что ему нужны только эти дети, иначе весь план на-марку. Срок, наверное, не больше недели.

– Если мы знаем, кто будет следующая жертва – ведь, как я понимаю, нам это известно, – надо просто следить за домом. И когда *Оно* появится, убить его.

– Хонька, ты хотя бы понимаешь, что такое нежить?! Как ты собрался ее убивать? Нежить всегда – всегда! – Хон, ты меня слышишь? – обладает немереной силой. Тут и дюжины мужиков не хватит. Во-вторых, она может быть невидимой, даже следов не оставлять на снегу.

– А может, как с кикиморой? Полотнищем накрыть?

– Ты собираешься неделю дни и ночи напролет стоять с полотнищем на морозе? Тут маг нужен. А за ним надо в город ехать. Не успеем, далеко слишком. А самим монстра завалить... Нет, я не говорю, что не надо пытаться. Просто не надо бросаться очертя голову на крепостные стены, если можно по-тихому войти через калиточку для воров и контрабандистов. Я думаю так – надо не дать этому гаду добраться до ребенка. Глядишь, там и срок сделки закончится, мертвец сам под землю и вернется.

– Так вот просто и вернется? – Что-то Иве не казалось это уж слишком похожим на правду.

– Может, даже и заказчика схарчит, – развеселилась тетушка, выкладывая на стол все новые и новые мешочки да

баночки. – Вот было бы хорошо! Две проблемы сразу бы и решились.

– Слушай, тетушка, а может, проще его могилку найти да в ней и приколотить трупик осиновыми колышками? – ожи-вилась Ива.

– Ага, ты зимой когда-нибудь сельхозработами занима-лась? К тому же мы не знаем, где могила.

– Где-то на дороге. Больше нигде.

– Всю дорогу перекопать, что ли? Да нас за такое предло-жение сожгут быстрее, чем мы договорим.

– Тогда что же делать? – взвизгнула Ива.

– Без истерик! – отрубил тетушка. – План есть. Сейчас я ему такое зелье заварю. Вернее, ты, – старая знахарка обер-нулась и ткнула в племянницу длинным костлявым паль-цем, – заваришь.

– Что за зелье? – живо загорелась троица.

– Ух, такое зелье, такое зелье!!! Обмажем весь косяк две-ри. Посмотрим, как он пройдет! – И она гаденько засмеялась. Умение гаденько ухмыляться было у них семейным.

– А терновник? – почти обиделась Ива.

– Ива, деточка, никакой терновник, чеснок или тому по-добные доморощенные средства не удержат нежить от по-следнего шага до жизни, вернее, ее подобия. Ладно. Ага. – Знахарка почесала затылок. – Значит, так, молодые люди, варим зелье, обмазываем дверной косяк дома, где есть ново-рожденный ребенок – благо он такой один – и ждем.

– Просто ждем? – приуныл Хон.

– Ну не знаю. Если что пойдет не так, вот тогда и действуем. Нежить можно, хоть и трудно, сжечь. Горят эти гады хорошо. Кстати, огонь – это то немногое, чего они боятся. Постарайтесь только не лезть на рожон. Воскрешать я не умею.

– А что делать с отравителем? – задал дельный вопрос бард.

– В дом он не пройдет. Там сейчас родственники круговую оборону заняли. Окопались как партизаны с медовухой в лесу. Никого не пустят и ничего чужого в рот не возьмут. Так, юноши, брысь отсюда! Дайте девушке поработать на благо родины и короля!

– А почему мы не можем остаться? – заныли те разом.

– Это зелье на магии как тесто на дрожжах замешено, а магия не любит внепланового чихания и вздыхания. Поняли? Ну тогда чего расселись?!

Парней как ветром сдуло. Ива закинула ногу на ногу.

– С места не сдвинусь, пока ты толково не объяснишь мне про зелье, – ответила она на вопросительный взгляд тетюшки. – Нет такого рецепта, что знаешь ты и не знаю я. Нет такого средства, что убивает или отвращает нежить от единственного шанса, способного продолжить ее существование. Ты можешь мне объяснить, что ты задумала? Только без вранья. Ладно?

– Ага, догадалась, значит. Ну что ж, следовало ожидать. Я всегда говорила, что мозги тебе...

– Не от матери достались. Знаю. Правда, никогда не уточняла, от кого они все-таки достались. Так что давай, тетушка, колись. Харэ скрытничать.

– Да, наверное, придется, – задумалась старая знахарка. – Жаль, я не думала, что все так рано откроется.

Ива внутренне сжалась, отчаянно надеясь, что услышит не то, о чем думала и о чем догадывалась.

– Давай уже. Не томи!

– Не торопи меня!

– Тетушка, давай только без реверансов. «Я не хотела тебя ранить» и все такое. Просто расскажи мне все как есть.

– Ну ладно. Слушай. – Знахарка уселась у стола и посмотрела на преемницу. – Это зелье, что я, а вернее ты, будешь варить, – чародейское. Но не просто. Это ты и так умеешь. Твои снадобья и эликсиры потому и получаются такими действенными, что ты в них душу вкладываешь. А в твоём случае это означает, что ты наполняешь их магией. Но ты не умеешь наполнять зелья опасной, скажем так, магией. Не та у тебя душа, не та сила. Только когда ты веришь в полезные свойства варева, тебе удастся что-то действительно стоящее. Я проверяла. Ты с магией даже средства против тараканов не можешь сделать. Это я к тому, что ты колдуешь только во благо, а так – знахарка самая обычная. Закрой рот, тебе не идет.

– Менестрель мне сказал, что у меня есть магические способности, но я ему не поверила.

– Знаешь, милая, ты единственная в деревне, кто этого не замечает. Думаешь, почему тебя так не любят в деревне?

– Потому что я знахарка.

– Я тоже знахарка. Но ко мне так не относятся.

– Но ты уже много лет знахарка. К тебе привыкли. А я молодая, и они не знают, что мне придет в голову учудить.

– И поэтому тоже. К тому же ты красива, но не спишь с каждым в деревне, а это раздражает.

– Кстати, не могу понять почему! Я знаю, что знахарок зачастую принимают за девок блудливых, но я-то ни с кем не сплю. Могли бы уже догадаться, что я не собираюсь это делать, и отстать! И вообще не могу понять этих людей. Ведь знают: я не сплю с каждым, – но ненавидят меня в основном бабы! Нет, ну где справедливость?! Ладно, гоблин с ней, со справедливостью. Продолжай. Ты думаешь, у меня есть способности к магии и поэтому меня не любят, мягко говоря?

– Я не только думаю – я знаю, что у тебя есть способности к магии. Но сейчас не это главное. Ты помнишь, что я несколько раз в год уезжаю?

– Да, у тебя там вечно какие-то «встречи с коллегами по обмену опытом». Ты всегда оттуда возвращаешься с кучей новых интересных рецептиков! – загорелись глаза у Ивы.

– А все верно. В принципе так и есть. Но это не только встречи с коллегами. Дело в том, моя милая, что я ведьма. – Тетушка многозначительно и торжественно посмотрела на племянницу.

– Ну и что? – спросила та. – Я тоже ведьма.

– Дура ты, а не ведьма! – разозлилась «старшая ведьма». – Какая ты ведьма?! Ты знахарка с магическим даром и все!

– Да какая, к гоблину, разница?!

– Есть разница, есть! Ведьма получает свою силу от темных сил, а знахарка просто ведает растения и рецепты.

– Да какая у тебя сила?! Что за чушь ты несешь?! Какие еще, к подгорной матери, темные силы?!

– Самые что ни на есть темные силы. Те же самые силы, которые призвал себе на помощь тот, кто заставил заложного мертвеца подняться из сырой земли.

– Она не сырая. Зимой-то, – машинально заметила знахарка.

– Какая разница?! – взвилась ведьма. – Суть в том, что темные силы дают о-очень большие возможности, но всегда взамен на что-то.

– На что? – тихо ужаснулась Ива.

– Этого я тебе не скажу. Но можешь быть уверена, что в людских страданиях я невиновна.

– Хоть за это спасибо, – хмыкнула девушка. – Но какая у тебя сила? Ты не летаешь по ночам, не превращаешься в животных, отчего у наших соседей непременно должно скиснуть молоко или пригореть каша. Не уводишь чужих мужей. Даже в доме у нас убирается по большей части домовой. Или, может, ты ночью превращаешься в прекрасную деву и совращаешь втихаря деревенских парней?

– Тебе все бы шутить, – отсмеявшись, попрекнула тетушка. – Нет, моя сила не в этом. Во-первых, я не старею.

– А во-вторых? – мысленно согласившись с данным утверждением, спросила Ива.

– А во-вторых, я использую силу для лечения и прочих обязанностей знахарки.

– Не понимаю. Я ведь использую те же рецепты, но без всяких темных сил.

– Но у тебя есть дар. А я его лишена. Вот и подменяю, чем могу.

– Так что же, все рецепты без магии просто... просто смешанные травы?! – Иве хотелось плакать.

– Нет, нет, конечно. Только самые серьезные зелья создают с помощью силы.

– Но что же мне делать?

– Наверное, тебе придется учиться у кого-то другого. Я почти ничего не знаю про магию. Маги с нами, обычными ведьмами, не знают.

– А моя мать тоже обладала магическими способностями?

– Нет, твоя мать не обладала ими. У нас в роду не было никого. Очевидно, это тебе от папочки досталось такое наследство.

– Ты говорила, что не знаешь, кто он. Может, и здесь ты просто умолчала?

– Нет, не знаю, где твоя мать нашла себе... твоего отца. Твоя мать вообще слишком многого хотела. Денег, власти,

вечной молодости! За это и поплатилась. Дура, что тут еще скажешь.

– Так она не в родах умерла?

– В родах, деточка. Только ведьмы в родах не умирают. Но об этом и о том, что делать с твоей магией, мы попозже поговорим. Сейчас надо главным заняться.

– Хорошо, последний вопрос – почему тебя любят в деревне, раз ты ведьма?

Знахарка-ведьма захохотала:

– Ой, Ива, ты меня умиляешь. Неужели ты думаешь, что ведьм действительно сжигают на кострах? Ведьм, моя дорогая деточка, всегда любят и уважают. А на кострах сжигают таких, как ты, дурочек, которые обладают магическим даром и, помогая людям, выставляют его напоказ. Им-то и гореть в огне, а мы, ведьмы, стоим и тихонько хихикаем в сторонке. Знаешь, почему? Потому что надо и головой думать. Прежде чем показывать способности, надо научиться держать удар. Пока не будешь уверена, что сможешь справиться или хотя бы убежать от фанатичной толпы, сиди тише мыши под венником. Ты меня поняла?! – рявкнула ведьма. – Мне будет больно, если ты окажешься столь же глупа. А сейчас займемся нашими прямыми обязанностями. Надо защитить ребенка. Пошли варить зелье, коллега.

– Почему я, а не ты? Ведь это зелье темных сил.

– Я принадлежу к темным силам, но и то, против чего мы боремся, тоже к ним принадлежит. Кодекс ведьмы не позво-

ляет мне мешать ему.

— Но ведь откуда-то рецепт появился. Или ты его и раньше знала?

— Нет, не знала. Но это моя территория. Тут нет места еще одной ведьме или еще одному колдуну. Расколдовались тут без моего ведома!

— А я смогу его приготовить?

— Вот и посмотрим.

И ведьма в обнимку со знахаркой отправились готовить колдовское зелье.

Густые пары витали над комнатой. В большом котле варились нечто весьма и весьма странное. Ива рябиновой ветвью помешивала темную вязкую жидкость. Вот сейчас еще добавить сушеный пятилистник. Что там дальше? Тонко наструганный стебель полыни. Порошок из мышинных хвостов. Перья серой птицы. Кленовые листья вперемешку с рыбьей чешуей. Вино виноградное немного отпить и медленно-медленно вылить в котел. Это было похоже на заговор, старинную песнь. Огонь полыхает, ведьмино зелье варит. Мак и вербена, тис и шкура черной змеи. Папоротник и подорожник. Вот она магия. Жаркая опьяняющая волна всколыхнулась где-то под сердцем и хлынула наружу. Как же она раньше этого не замечала? На небе полная луна, и все вокруг поет огнем. Радость хмельная, жизнь через край. Вот она Сила, вот она. Так, немного помешать, ключевой воды долить.

Сила, магия струилась из сердца, глаз и пальцев. Собиралась вокруг котла. Иве казалось, что она чувствует весь мир так, как никогда раньше. Вот пламя струящимся шелком ласкает глиняные бока горшка. Вот сушеные травы, подчиняясь огню и магии, отдают все свои полезные вещества странно-му вареву. Вот соки текут из растений, еще недавно заботливо выращиваемых в горшках. Вот чары каждого порошочка, каждой сосновой иголки, каждой травиночки, все-все смешивается с частичкой ее души, со светом полной луны, с силой земли и жаром огня. Заговор как песня ложился на варево. Хотелось вскинуть руки к темным небесам и танцевать в воздухе.

Может, попробовать полетать на метле?

Зелье было сварено и размазано во всех положенных местах. Мало кто обрадовался его запаху, так что сознание сделанной маленькой пакости грело душу. Ах, вы меня не любите, не уважаете, ну что же, что же, посмотрим, кто будет смеяться последним. Ива гаденько улыбнулась, думая: «Я спасу ребенка. Но навсегда запомню ваше ко мне отношение». Ива вовсе не собиралась кому-то мстить, она даже старалась не думать, что ей делать в свете открывшихся фактов.

Но дело было сделано, и оставалось только ждать. А магия как вино все еще бродила в крови. Ива с трудом сдерживала ее. Она не представляла, что с ней делать или как отпустить от себя. Голова кружилась, и хотелось смеяться. Без причи-

ны, без цели, без удержу.

– Где ты уже успела напиться, Ива? – Строгий голос вновь допущенного в дом Хоньки вызвал волну совершенно неуправляемого смеха. Когда начинающую «магичку» отпоили водой и чаем, она так и не смогла объяснить, что же такого смешного нашла в реплике друга. Хон надулся, Ива еле удержала новый взрыв смеха. Менестрель только покачал головой и спросил у старой ведьмы:

– Я так понимаю, сегодня можно спокойно спать. – В теплой, залитой жаром очага и запахами трав комнате сидели обе знахарки, Хон и Гамельн. Вечер обещал быть по-семейному тихим. Травяной чай согревал и расслаблял. Самый подходящий вечер для задушевных разговоров. – Монстр сегодня не явится?

– Скорее всего, – ответила тетушка, с опаской поглядывая на веселящуюся племянницу. – Перерыв между убийствами был в день. Так что следует ожидать незваного гостя завтра-послезавтра. Вряд ли он сможет переварить за один вечер две жизни.

– Кстати, скажи-ка мне, менестрель, – более-менее успокоившись, задала вопрос знахарка, – почему я чувствую исходящую от тебя угрозу, если не ты нужный нам монстр?

Разговор плавно качался от одной темы к другой, сдобренный в нужных местах шутками и остротами, доставляя всем четверым немалое удовольствие.

Ива, непривычно для нее, мало участвовала в общей бе-

седе. Что-то ей мешало, постоянно путая мысли.

– Ты что молчишь, красавица? Или после буйного веселья наступила пьяная меланхолия? – Взрыв хохота. – Хочешь за жизнь поговорим?

Девушка смотрела на смеющиеся лица. Они были словно в тумане, будто она действительно слишком много выпила, и всё отдалялись и отдалялись. Звуки еле пробивались сквозь толстое покрывало дурмана, накрывшего ее. Все происходящее стало казаться ненастоящим, неплохо разыгранным спектаклем, фарсом, достойным более хорошей сцены...

– Ива! Ива!!! Что с тобой?! – Хонька тряс ее за плечо. Все заметили: девушка уже пять минут не реагирует ни на что. Мир снова начал погружаться в туман, когда сердобольная тетушка выплеснула на нее целый кувшин студеной воды.

– Чем отравили мать второго ребенка?! – без перехода накинута на ведьму девушка.

– А... э... – не сразу переключилась на другую тему та.

– Чем ее отравили?!

– Страстоцветом.

– Но это же снотворное!!! Не отравя.

– В том-то и дело. Видно, ее не хотели убивать, но у нее с детства аллергия на страстоцвет. От него она начинает задыхаться. Поэтому глаза у нее были открыты. Снотворное ее убило, а не усыпило, как, скорее всего, планировал убийца.

– А может, и нет, – стал спорить бард. – Может, этот кто-то знал, что она не переносит страстоцвет.

– Это растение зимой да еще в нашей местности трудно достать. Куда проще использовать какой-нибудь другой яд. Вроде того, каким грызунов и насекомых травят. У нас этого дерьма полно. Нет, ее хотели усыпить.

– А что помешает ему проделать это еще раз? – Иву трясло от непонятного нехорошего предчувствия.

– Там сейчас круговая оборона. Все только свои.

– А если это кто-то из своих?

– Что может заставить человека погубить родного, пусть и не своего ребенка?

– Но что-то ведь заставило его погубить двух других младенцев! Неужели он сейчас остановится?!

– Но люди сейчас все наготове. Все ожидают опасность. Такое не смогут не заметить!

– Нет, вот сейчас-то как раз и нет! Все рассуждают так же, как мы: сегодня он не придет, а вот за-а-втра или послезавтра, это да!

– Но монстр не сможет войти в дом, там везде наше зелье, – безапелляционно заявила тетушка.

– А вдруг ему и не надо входить...

Тяжелое молчание повисло в комнате. Каждый отчаянно жаждал ошибиться в своей догадке. Наконец, старая знахарка нарушила его зловещим шепотом:

– Что ты этим хочешь сказать?

– Может, ему и не надо входить. Ребенка можно и вынести.

Они все вместе бросились к двери. Хон успел схватить топор и факел. Тетушка горшок с оставшимся зельем. Ива вылетела в дверь первой. Оцепенение прошло. Даже ледяной холод боялся тронуть ее сейчас. Именно она первая и увидела страшную картину. На нетронutom снежном покрове безупречного бело-синего цвета стояло существо, когда-то давно бывшее человеком. Оно протягивало вперед руки. А шагах в двадцати на руках у женщины лежал спеленатый младенец.

Женщина протянула его вперед.

– Возьми третьего младенца и дай мне то, что было обещано. – Торжественный голос звучал над спящим селом. – Дай жизнь тому, кто не может родиться, моему ребенку!

– Нет!!! Матинка, нет!!! – Ива узнала ее, ту, которая много раз лечилась у нее от бесплодия. Похоже, она нашла более действенный способ. – Нет!!!

Женщина резко повернула голову на звук и, что есть сил, бросилась навстречу монстру. Тот тоже уже неся к законной добыче.

Тетушка со смертельным для нежити зельем, Хон с топором и огнем бежали к ним. У них был маленький шанс победить. Но они катастрофически, просто катастрофически не успевали. Ива выкинула вперед руки, неумело пытаясь призвать силу, как в эпических сказаниях поступали маги. Но бесценные крупички золотого песка времени уже закончились.

Монстру остался всего шаг до маленького человеческого тельца. Ива, Хон и тетушка тонко взвыли в предчувствии неминуемого. Время, казалось, застыло, и каждое движение стало невыносимо медленным. Всё! Сейчас все будет кончено.

Но тут, как в сказке, случилось чудо. Заиграла волшебная флейта. Ее чудесный чистый звук раздвинул крики и шум бегущих, ворвался в сознание и на один краткий, бесконечно краткий миг отвлек внимание монстра. И он остановился. Нет, он не собирался отказываться от своей жертвы. Но звук на мгновение сбил его с толку.

Но не Матинку, которая не могла слышать поющую флейту. Та останавливаться уж точно не собиралась. Однако и сила, все еще бурлившая в крови Ивы, магия, тоже услышала флейту и сорвалась с пальцев немилосердной ударной волной. Она отшвырнула женщину в сторону, опрокинув на спину, – удача, какие выпадают лишь по случайности, – ребенок не пострадал. За то небольшое время, что требовалось Матинке прийти в себя, Ива успела добежать до нее и, ударив ее наотмашь по лицу, вырвать ребенка.

А ведьма и Хон уже сражались с чудовищем. Тетушка с размаху облила его зельем, на которое возлагались такие надежды. Нежить взревела и бросилась на женщину. Хон успел ткнуть в морду монстру факелом и с размаху всадить топор в спину, чуть ниже шеи. Но все это не произвело ожидаемого эффекта.

– Ива, беги в дом! Беги в дом!!! В дом!!!

Дельный совет, ибо единственное, что было необходимо чудовищу для полной победы, – последняя жертва. Знахарка побежала. Как назло, она дальше всех находилась от дома, дверь которого была надежно защищена колдовским зельем. Монстр ревел за спиной, всего лишь на шаг отставая. Прижимая орущего ребенка к груди, Ива споткнулась и полетела на землю, успев только чуть повернуться, чтобы не раздавить малыша. Лапа чудовища проскользнула у нее над головой, зацепив лишь прядь волос. Тут же три пары рук втянули ее в дом. Дверь захлопнулась.

Ива упала на колени, не чувствуя ничего, абсолютно ничего не понимая.

Охранявшие ребенка родственники поголовно спали.

Тетушка, Хонька и бард, с трудом дыша, даже не пытались ни поднять девушку, ни забрать девочку из ее рук. В дверь долбили так, что казалось, она сейчас разлетится на мелкие куски.

Но волшебное зелье начало действовать. И монстр оставил дверь в покое. Тут раздались другие звуки.

– Это Матинка кричит, – слегка заторможенным голосом произнес Хон.

– Сестра матери этого постоянно орущего ребенка, – еще более ошарашенным голосом пояснила менестрелю тетушка.

– Веселая у вас деревня, – с трудом выговаривая слова, высказался бард.

— Добро пожаловать, — поднялась Ива с колен.

Прошло четыре недели. Менестрель уехал. Расстались с ним очень тепло. Погибших двух мальчиков и то, что осталось от Матинки, задумавшей это ужасающее своей жестокостью преступление, похоронили. Ради возможности родить, пусть только наполовину человеческого, но своего ребенка, она пошла на этот безумный шаг, прибегнув к древнему заклятию: бесплодная женщина может родить от заложного покойника, если приведет его к трем младенцам не более трех месяцев от роду. Заложный покойник превратился в пепел. Девочка, пережившая в свои полтора месяца такое приключение, очевидно, твердо решила выжить, несмотря ни на что, а потому росла совершенно здоровенькой, не давая никакой болезни и малюсенького шанса. Тетушку все поздравляли с победой. Хон все-таки починил дверь. Ива вновь занялась любимым делом: травки, порошочки, сушеные мышки, зелья, эликсиры, снадобья... Жизнь возвращалась в привычное русло.

Завывала метель за окном. Деревья гнулись под тяжестью снега. Сугробы еще надежнее укутали землю. Знахарка снова шла в самую глубь леса. Недавно в деревне родился еще один ребенок, и у его матери, как и следовало ожидать, тоже не было молока.

Вечерние сумерки ложились на серебро сугробов. На темное небо выплывала колдунья луна. Ива с полной корзинкой

омелы возвращалась по дремучему лесу домой. Ничто ее не страшило...

Самоуверенность губительна. Когда рядом взвыли волки, было уже поздно.

Ива стремительно обернулась.

Стая огромных серебристо-белых волков застыла на освещенной призрачным блеском поляне. Звери смотрели на нее тоскливыми задумчивыми глазами. Смерть и жизнь в этот миг слились воедино.

Они не двигались, и Ива не знала, что делать. Вдруг что-то сверкнуло за их спинами, и на миг девушке показалась, что там возникла сотканная из снега женская фигура.

Волки вскинули морды к черному небу и протяжно завывали. И мир для Ивы навсегда раскололся на две вселенные: одну – теплую, уютную, привычную и на другую – призрачную, далекую, состоящую лишь из медленно падающего снега и протяжного волчьего воя...

...Ну что ж, знахарка, тракт ждет тебя...

Глава 2

Ранняя весна

*Чрез семь смертей я к тебе шла,
Мой князь, и заклатья сеть тебе ткала.
Мой враг, наконец-то я тебя нашла.
Проснись и взгляни на меня.
Ночь гнева темна.*

Группа «Мельница»

У каждого в этом меняющемся мире своя Жизнь и своя Судьба. У каждого своя Мечта и своя Цель. У каждого свое Небо над головой и своя Дорога под ногами. Кому-то суждено Величие и Почет, кому-то предписана безвестная Смерть и безликая Жизнь. Кто-то будет счастлив, не имея ничего; кому-то для того же не хватит и всех сокровищ мира. Кто-то будет смеяться, мчась по степи на лихом коне, а кто-то будет плясать в подгорных пещерах, радуясь свету звезд, пойманному в блеске алмазов. Кто-то уйдет навечно, кто-то останется навсегда. А некоторые вернутся...

Ранняя весна редко радует нас теплым солнышком и молодой травкой, ради которых ее, собственно, столько времени и ждут. Увы, но она похожа на девочку-подростка – угловатую, нескладную, неказистую, хоть и обещающую в са-

мом ближайшем будущем стать самой настоящей красавицей. Снег тает, его нежный чистый покров исчезает, сменяясь грязью и серостью склизкой и вязкой земли вперемешку с талым настом. Бледные бесконечные тучи заполняют безликое небо. Сквозь остатки сугробов видна прошлогодняя сухая трава. Ее вид так уныл, что весь мир представляется огромной выгребной ямой. Сырой воздух несет простуды, а вода, заливающаяся в обувь, – осложнения после.

Это время хлопот и ожиданий. Тяжелее всего приходится лешим. Именно на их долю выпадают все ранневесенние труды: и весну встретить, и зверей всяких разных разбудить, и до водяного достучаться, чтобы и он начал шевелиться – лед изнутри колоть да рыб к теплу готовить. И с погодой постоянные проблемы. Только звери – медведи те же, со сна долгого недовольные – к солнышку выползут, как тут же – нет его, солнышка-то нашего. К кому, по вашему мнению, идут за разъяснениями? К лешему, конечно. Мол, так вот и так, что за шутки такие? Какому еще умному существу понадобилось в эту рань всех подымать, если тепла и не предвидится? Леший по своим каналам пробивает, что, мол, за чудеса с погодой? Сверху ответ: всегда так, а чего вы, собственно, еще ожидали? Только попробуй дать такое объяснение раздосадованным, мягко говоря, медведям. Но для всего остального мира ранняя весна, когда еще снег не растаял, но уже потерял свою неизъяснимую зимнюю прелесть, а зелень еще и не думает появляться, – скучная и унылая пора.

В полном соответствии со всем вышесказанным, настроение у Ивы было преотвратное. Она сидела на корточках на лесной поляне и внимательно рассматривала клочок обнажившейся земли. Уже с час рассматривала. Нет, ничего полезного она от земли в ближайшее время не получит. Редко такое бывает – ранняя весна всегда какая-то скупая на все, только самую капельку полезного и подарит.

Ива ушла из родной деревни еще зимой. Может, отправиться в дорогу до весенней распутицы было и не самым мудрым решением, но здесь знахарка руководствовалась принципом «решил – делай», а то потом найдется множество причин задержаться еще на чуть-чуть и еще... и так, пока смерть не заберет тебя, как поется в песне. Однако сейчас Ива оказалась в ловушке собственной теории: дороги стали непроходимыми, еще немного – и передвигаться по ним будет вконец невозможно.

– Охо-хонюшки... – подымаясь, вздохнула знахарка.

– Хорошо ли тебе, девушка? Хорошо ли тебе, красавица?

Ива обернулась. Перед ней стоял здоровенный детина в рубахе наизнанку, в кафтане, правая пола которого была запахнута на левую, без пояса, в огромных лаптях, как-то странно сидящих на его лапах, краснощекий, пышногровый, в плечах раза в три шире, чем она, – ничего себе парень!

– Может, на что и добрый молодец тебе сгодится? – Детина широко улыбнулся.

Ива снова присела на пенек и, покопавшись в сумке, до-

стала краюху хлеба. Разломила ее на две части, одну протянув парню.

– Откушаешь со мной, лесной хозяин? – усмехнулась она.

Леший сел рядом на поваленное бревно, закинул левую ногу на правую, взял протянутый хлеб и проворчал:

– Вот так всегда. В начале весны только знахарки по лесу и шляются.

Девушка захохотала. Лешего, хоть он и не сменил облик, она видела насквозь. К молодым девушкам (хотя, впрочем, и к не очень молодым и не девушкам) лесные хозяева питали, мягко говоря, слабость, что ничуть не мешало знахаркам общаться с ними на взаимовыгодных условиях.

– Не переживай. Давай лучше поговорим. Что у вас тут интересного происходит?

– А ты откуда? Из дальних деревень? Ну что тебе казать-то тогда? У нас вблизи городов всегда всякой дряни поболее бывает. Иногда кажется, что как только появляется в округе лишний человечек, так за ним сразу же какая-никакая мерзость вылезет. И вообще, от вас, людей, только гадости и жди какой.

– Но-но, ты говори-говори, да не заговаривайся!

– Ой, да ну тебя, знахарка. Вроде ты не понимаешь, о чем я баю! Взять хоть тех же разбойников! Уселись тут недалеко, у перекрестка. Что ни день, то праздник – грабят кого-нибудь.

– Неужто хозяин здешних земель – княже, али как его ту-

точки кличут, – и не почешется, если каждый день подводы грабят?

Леший почесал за ухом:

– Да нечто каждый. Это я прибаял для красотцы. Да и город-то не так уж и близко. Воно даже постоялый двор недалеко стоит. Для тех, кто засветло не добрался. Но вот сегодня, например, неплохая махаловка на перекрестке была. Только не на тех ребята напали. Там в охране обоза тролли ехали. Уж они-то тех душегубцев так отметили! На красоту просто! – Леший от переизбытка чувств аж захрюкал.

– Вот те раз! Нашлись герои! Кто ж в здравом уме против троллей лезет?! Неужто груз такой ценный?

– То мне неизвестно. Но весело было на это дело посмотреть. – Лесной замолчал, припоминая порадовавшую его душу потасовку. Потом перевел взгляд на Иву: – Кстати, раненых бандитов повезли на постоялый двор. У них давно с его хозяином крепкие «деловые отношения».

– Наверняка и лекарь у них там есть? – задумчиво протянула девушка.

– Не, лекаря как раз нету. После той бучи, что местный баронишка устроил тут лет десять назад, ведьм да лекарей в округе по пальцам сосчитать можно.

– Что за буча такая? – заинтересовалась Ива.

– Неужто не слышала? – обрадовался лесной хозяин. Знахарка развела руками. – Ну тогда слушай. Дело, значит-то, так было. У барона местного, что меж людей туточки глав-

ный, что-то там в очередной раз выиграло, и как начал он ведьм жечь. А за ним и вассалы его. Так всех и выжгли. Настоящих ведьм, конечно, это мало коснулось, а вот всяких там знахарок, повитух, магов, лекарей – всех почти извели. А те, кого не сожгли, сами деру дали. Кому ж охота на таком тонком льду сидеть? Даже ведьмы, и те убёгли. Несколько лет так лихорадило, чтоб барону икалось. Только последние три-четыре года спокойно. Но лекари теперь тише воды ниже травы сидят. Крепкой рукой барон их держит. Они боятся и шагу сделать, чихнуть лишний раз, чтобы под подозрение не попасть. Раньше разбойников ведьма из ближнего села лечила, да вот уж пару месяцев, как померла. Ты, случаем, не ведьма?

– Нет еще, – хохотнула Ива.

...Десять лет, мой барон, десять лет...

Десять лет тебя не касались боль, горе, отчаяние, страх, которыми ты так щедро наделил меня. Десять лет. Всему приходит конец. Я скоро отдам тебе этот долг.

Десять лет ты спал спокойно, мой барон. Десять лет я скиталась по курганам, слыша только шелест вереска. Всему есть предел.

Десять лет я пряла свою месть. Не только ты умеешь предавать.

Жди, мой милый, я скоро приду...

Обеденный зал постоянного двора был почти пуст. Заполнится он только к вечеру. И то в лучшем случае. Если хозяин связан с разбойниками и об этом ходят слухи, то вряд ли здесь бывает много посетителей, из заезжих только, может, кто-нибудь пожалует. Хотя вряд ли кто такие связи афиширует – никто сам себе не враг.

Ива степенно прошла по полутемному залу и уселась за столик у окна. К ней направился невысокий пухлый мужичок в грязном фартуке, жестом останавливая выскочившую было из задней комнаты, очевидно кухни, здоровенную грудастую девицу.

Ива спокойно улыбнулась. Несомненным преимуществом знахарок перед теми же магами и лекарями было своеобразие их положение: они, являясь, бесспорно, уважаемыми людьми (а кто позволит себе роскошь не уважать знахарку, которая неизвестно еще кем окажется – может, и пустышкой, может, и ведьмой), не обязаны были ни перед кем отчитываться. Не было никакой организации, вроде Магического союза или Лекарских цехов, которая контролировала бы их деятельность. С них даже налогов не брали. За что их, кстати говоря, еще больше не любили власть имущие. В некоторых княжествах были даже законы, обязывающие лекарей докладывать о своих пациентах. Магам опять же кое-где запрещалось продавать любовные и другие одурманивающие зелья. Про знахарок разговоры о подобных запретах даже не велись. Более того, доносы с их стороны порицались, а сами

они могли лишиться большей части своих клиентов.

– Что изволите? – довольно вежливо задал вопрос корчмарь, явно стараясь разобраться, какая птица пожаловала.

– Знаете, – Ива выдала свою лучшую ухмылку, – уже несколько дней иду по лесу, и мне до пьяного дракона надоело питаться обугленным с одной стороны и сырым с другой мясом. Что поделать? – Девушка, подкупаяще улыбаясь, развела руками. – Я только зелья готовить мастерица, а в кулинаруии полная бездарность. – Столь явная ложь была нужна только для того, чтоб тонко намекнуть хозяину о профессиональной принадлежности посетительницы. – Есть у вас что-нибудь такое, что могло бы потешить мой страдающий от такой несправедливости желудок?

– Конечно, конечно, – радостно закивал мужичок. Судя по всему, слова нашли благодарные уши. – Щас все сделаем в лучшем виде. Не извольте беспокоиться.

Судя по скорости, с которой он сорвался с места, знахарка здесь была позарез нужна. Ива прекрасно понимала, что не выглядит уж слишком платежеспособной, и уж кто-кто, а корчмари разбирались в таких делах не хуже специально обученных провидцев в гномьих банках.

«Что и говорить, жаркое из кролика было выше всяких похвал», – подумала Ива, с чувством выполненного долга отрываясь от... к сожалению, уже пустой тарелки.

– Вам понравилось?

Перед знахаркой стояла давешняя здоровенная девица.

Ива согласилась с тем, что еда была великолепна, что дороги ужасно размыло, а весна в этом году запаздывает, что она действительно знахарка, самая притом настоящая. На вопрос о любовных зельях покачала головой: мол, нет, нету. Но по секрету призналась, что за соответствующее вознаграждение может буквально за полчаса таковое сварить.

– Тебе для чего нужно? – спросила Ива, но, видя весьма ошарашенную физиономию подавальщицы, поспешила перепhrазировать: – Надолго? На пару часов или на несколько месяцев? Чтобы его к тебе намертво приклеило, или чтобы он просто обратил на тебя внимание?

После долгого и эмоционального обсуждения и одного высунутого из кухни кулака девушка задала вопрос, по поводу которого ее, собственно, и направили к знахарке:

– А раны ты лечишь?

– Смотря какие. Есть такие, что никто не вылечит, но кое-что я могу. Труднее, конечно, если там яд, к примеру, был.

Потом Иву очень вежливо попросил сам хозяин взглянуть на двух «путешественников, попавших под мечи разбойников».

В комнате, куда провели знахарку, лежали двое мужчин. Если разбойники нарвались на троллей, то раненых должно было оказаться намного больше. Если только... Ну что ж, профессия разбойников недаром считалась одной из самых опасных.

Ива осторожно осмотрела больных. Да, зря надеялась лег-

ко подзаработать. Знахарка вышла за дверь и честно высказала трактирщику свое мнение.

– Вы сможете их спасти?

– Спасти – спасу. Если в цене сойдемся. Я возьму дорого, во-первых, потому что это будет тяжело, во-вторых, травы, которые мне понадобятся безумно дорогие. И еще одно: вы уверены, что хотите потратить деньги на именно этих воинов? Я не могу обещать, что даже когда они оправятся, они смогут стоять в строю, если вы понимаете, о чем я.

– Уверен, девушка.

Она обернулась на голос. Мужчина стоял у лестницы, которая, как Ива помнила, безумно скрипела под ней и корчмарем. От мужчины веяло силой и жестокостью. Даже просто смотреть ему в глаза казалось опасным.

– Вы точно уверены? Они вряд ли смогут хорошо махать мечами и...

– Один из них – мой брат, другой – друг. Говорите свою цену и приступайте.

Ива назвала.

– А не боится одинокая беззащитная девушка ходить по столь опасным местам с такими деньгами? – спросил мужчина, отсчитывая монетки из кожаного кошелька.

– Я – единственная согласная на эту работу знахарка на многие мили вокруг, а у вас такая работа, что вряд ли вам захочется портить отношения с хорошей знахаркой.

– Вторую половину – после лечения. – Мужчина передал

ей горсть монет. – Что тебе еще нужно?

Ива быстро перечислила необходимое – ничего особенно-го, только то, что есть на любой приличной кухне.

Тоненькая струйка магии полилась из пальцев, как только зелье забурило в котле. «Да, Ива, – подумала она, – все-таки ты до самой последней косточки знахарка. У нормальных магов сила откликается или на мысленный приказ, или на опасность, или, на худой конец, на присутствие любимого человека. А у тебя? Сказать кому стыдно – на булькающую в кастрюле гадость».

Она наклонилась над раненым и начала менять перевязку, стараясь сделать это как можно быстрее, коль уж не получается безболезненно. Мужчина резко и широко открыл глаза.

– Ну здравствуй, Смерть! – четко, хоть и хрипло произнес он.

Ива на всякий случай обернулась. Никаких подозрительных старушек с косами в поле зрения не наблюдалось. Пока Ива размышляла, стоит ли ей обижаться, а также о возможной переквалификации, раненый снова спешно отбыл в блаженный мир забытья.

Вскоре лечение пошло на лад, и девушка смогла переключиться на другого раненого. Тот тоже бредил, поминая какого-то барона, выполнять приказы которого было, по мнению мужчины, так же опасно, как и не выполнять. Сделав все, что могла, Ива спустилась в главный зал корчмы и подозвала давешнюю девицу, попросив умыться, а заодно поинтересо-

валась, надобно ли ей по-прежнему любовное зелье. Подзаработав еще и на последнем, Ива еще раз вкусно покушала на халяву и направилась в комнату к раненым, где ей предстояло провести беспокойную ночь. Ну а кто говорил, что лечение будет безболезненным?

Запах обожаемых травок заполнял всю комнатушку. Однако, как Ива их ни любила, выносить тяжелый жар, заполнивший все помещение, скоро стало совсем невозможно. С виду наглухо заколоченное окошко легко поддалось, и девушка смогла, наконец, с облегчением вдохнуть морозный ночной воздух. Поколебавшись, она все-таки уселась на опасно скрипящий подоконник, прислонившись спиной к деревянной раме.

Лес плотной стеной обступил постоянный двор, а темное небо над головой казалось водой в глубоком колодце, на черной поверхности которой едва различимо поблескивают отражения звезд.

Ива свесила одну ногу за окно, а другую притянула к себе, согнув в колене. На кухне что-то явно сгорело. Животные в хлеву беспокоились. Старое здание корчмы скрипело всеми своими частями. Постоялый двор явно не нравился старому злему лесу, расставившему часовых вокруг. Девушка чувствовала ощутимую угрозу, исходящую от него.

Знахарка, утром познакомившись и пообщавшись со здешним лешим, очень удивилась: обычно лес и его хозяин

мало друг от друга отличаются, а эти были абсолютно разные. Леший был обычным, а вот лес – злым и очень чем-то недовольным. Хотя первый предупреждал ее насчет обилия в этих краях всякой нежити. Неужели этим и вызвано все раздражение?

Ива, покачивая ножкой, стала вслушиваться. И постепенно в ее голове перестали звучать только скрипы половиц, тяжелое дыхание раненых, разнородные голоса животных в хлеву. Медленно, почти незаметно стали различимы песни ночных птиц, ветер в высоких кронах, тихие шаги запоздалого пугливо озирающегося путника, тайными тропами пробирающегося куда-то. Прикрыв глаза и блаженно расслабившись на окне, знахарка вдыхала прохладный воздух, и ночной лес баял ей тихую сказку. Вот шмыгает близ курятника лисица. Вот еще какой-то зверь крадется, сливаясь с тенью. А у дороги затаился упырь. Кого он там надеется дожидаться ночью? А вот и разбойнички у костра посиживают, даже главарь здесь. Брр, вот бы с кем больше не встречаться. Вернее, больше не встречаться после того, как он отдаст деньги. А это что? Неужели ключи пробили лед? Нет, только пытаются. Да и то как-то уж больно вяло, – ох, не скоро еще весна придет...

А еще кто-то плакал... Да, кто-то плакал в этом огромном, злом и не проснувшемся от зимы лесу.

Ива чуть из окна не вывалилась, когда распознала звук, первоначально принятый ею за скрип веток. Знахарка, ра-

зумеется, слышала его не ушами, а тем особым чувством, какое появляется у всех, кто долго живет у бора и зависит от его прихотей. Усиленное магическими способностями во много раз, оно позволяло Иве будто бы видеть целиком весь лес. А в нем кто-то рыдал. Не так, как потерявшись, заплутав... И не как попавшие в капкан звери. Так стонут только в горе, когда отчаяние и безнадежность заполняют душу, не оставляя в ней ничего человеческого, превращая любое разумное существо в тупую бессловесную тварь. В этом состоянии можно только качаться из стороны в сторону, обхватив себя руками и поскуливая на луну, и знать, что конца этому не будет. Вот так плакали в этом лесу.

Ива судорожно схватилась за подоконник и быстро перекинула ноги в комнату, боясь, что ощущение придет снова и просто скинет ее своей силой с неустойчивой опоры. В лицо девушки вновь ударил удушающий запах целебных зелий, жар от треножника и чуть ощутимая магия, как и аромат витающая вокруг лекарств. Постепенно знахарка успокоилась и снова повернулась к окну, но плач больше не повторился, хотя еще долго она чувствовала чью-то щемящую боль и тоску. Только под утро Ива сообразила, что это ощущение исходит от ее тезки – молодой ивы.

Ива росла у изголовья чей-то могилы и, свесив до земли свои длинные ветви, рыдала о том, кто лежал у ее корней.

– Ненавижу ведьм! – едва очнувшись, заявил ей один из

раненых.

Сообразив, что сказанное относится к ней, Ива в долгу не осталась:

– А я – разбойников!

– Проклятые ведьмы! От вас все зло! На костер всех надо!

– А грабителей – на виселицу!

– Если бы не ведьмы, стал бы я рисковать своей шкурой из-за горсти монет! Давно бы при бароне в телохранителях ходил!

– Заткни свой рот и лежи спокойно! Чем быстрее ты поправишься, тем скорее мы избавим друг друга от взаимно «милого» общества!

– Ведьма!

– Вор!

«Хорошо денек начинается!» – хлопнув дверью, подумала Ива, спускаясь по лестнице на манер бревна, отправленного в полет со второго этажа. За обедом служанка по большому секрету поведала девушке, что любовное зелье предназначается тому самому не любящему ведьм разбойнику.

Настоящая весна так и не наступила за то время, что Ива провела в трактире. Все так же серел снег, а небо ни разу не озарилось солнышком.

Знахарка медленно шла по направлению к Брыклу. Официально город, конечно же, назывался изящнее и величественнее, но подобное имя настолько не соответствовало действительности, что сейчас даже летописцы долго думали,

прежде чем воспроизвести его. За его написание не брался никто.

Девушка направлялась на запад, прочь от земель, где жил ее собственный русоволосый народ. Новые земли не поражали своей оригинальностью. Признаться, под снегом они не отличались от тех, что остались за спиной.

Перед мысленным взором девушки все еще стояло лицо главаря разбойников. Отдавая ей вторую часть денег, он спросил:

– Ты правда не стала бы лечить их, коли я не заплатил бы?

– А ты заплатил бы, если бы я по-другому поставила вопрос?

Он подумал, посмеялся и отпустил ее с миром.

От размышлений ее оторвал звук – из тех, что Ива не любила слышать. После недолгой борьбы инстинкт самосохранения был побежден, и знахарка свернула с дороги, углубившись в лес, который днем совсем не стал приветливее.

Картина, что Ива увидела, была поистине достойна кисти известного художника: черноволосая девушка сидела под ивой и плакала так, будто мир рухнул. Однако знахарка не оценила всей красоты и глубины открывшейся ей трагической сцены. Вместо этого она подумала, что ей, похоже, никогда не избавиться от клейма деревенской знахарки, которые, как известно, всегда вынуждены (как и любые другие лекари) выполнять роль плакательных жилеток.

Ива подошла еще чуть поближе и тихонько окликнула:

– Эй! Что с тобой? Могу я чем-то помочь?

Девушка вздрогнула, подняла на травницу кристально чистые синие глаза и рявкнула:

– Что уставилась?! Иди, куда шла! Нашла зрелище!

От неожиданности Ива попятилась, разумеется, тут же зацепилась за корень дерева и звучно приземлилась на пятую точку. Помянув сквозь зубы все известные темные силы, знахарка вскочила и отправилась дальше.

– Прости! Я не должна была на тебя рычать!

Голос заставил ее остановиться. Ива недоверчиво повернулась. Незнакомка, все так же сидя на холодной земле, смотрела на нее своими нереальными голубыми глазами:

– Ты хотела помочь. А я слишком давно не видела человеческой доброты.

Знахарка пригляделась к девушке пристальнее. С ней явно произошло какое-то несчастье. Лицо казалось слишком изможденным, а взгляд чересчур умудренным для молодого лица. Кстати, она была очень даже миленькой. Если быть совсем уж честной, то незнакомка казалась просто красавицей. Тетушка всегда утверждала, что девушки не должны быть слишком красивыми, если им нечем защититься. Поэтому Иве не хотелось спрашивать, что произошло с брюнеткой.

– Почему? – Это больше относилось к разговору о лекарях и плакательных жилетках.

– Это долгая, печальная и слишком банальная история. – помедлив, произнесла незнакомка. – Тебе быстро надоест ее

слушать.

— А я люблю длинные, печальные и банальные истории, — Ива уселась на бревно. — Они помогают еще раз удостовериться в незыблемости мира.

Девушку звали Гретхен, и она смотрелась ведьмой. Хотя бы потому, что была слишком красива, что была пятой дочерью в семье, где до этого рождались только девочки, а еще — у нее были слишком темные волосы, — это уж совсем ненормально, не так ли?

Разумеется, на самом деле ведьмой Гретхен не была, но тем не менее магические способности у нее имелись. И конечно же однажды она решила, что с нее хватит. Прослышав, что звездочет самого барона ищет себе ученика, она отправилась в Брыкл, чтобы когда-нибудь стать великой волшебницей и доказать всем, что она не просто смазливая мордашка. Больше всего девушка боялась выйти замуж за какого-нибудь деревенского увальня и к тридцати годам превратиться в рабочую клячу, какой стала ее мать после шести родов и двенадцати лет «счастливого брака».

И начинающая волшебница, преодолев множество опасностей, оказалась в городе и даже удостоилась похвалы мудрого звездочета. Чрезмерно гордая собой, она принялась ждать его дальнейшего решения, от которого зависело, остаться ли ей здесь или искать признания своего таланта в другом месте.

Вот тут-то четко прописанная схема дала сбой. Гретхен

влюбилась.

Да-да, случилось именно так, как вы и ожидали.

О, это было поистине прекрасно. Именно так, как пишут в эльфийских романах и как поют менестрели в балладах. Она шла через площадь к башне звездочета, чтобы присоединиться к другим претендентам на место ученика мага. В этот момент из боковой улицы с диким улюлюканьем выскочили всадники на разгоряченных конях. Шелка, бархат и кожа украшали и тех и других. Золото, серебро и драгоценные камни сверкали в свете солнечных лучей.

Белый жеребец летел впереди всех быстрее ветра. Гретен оказалась у него на дороге. В момент, когда девушка уже успела пожалеть, что не осталась в родном болоте, конь поднялся на дыбы, но все-таки смог остановиться.

Не успев оправиться от первого потрясения, девушка подверглась второму: юноша, соскочивший с жеребца и рассыпавшийся в извинениях, был прекрасен как бог. Этаким бог молодости и красоты. У этого принца из сказки было все, как полагается: золотые волосы, голубые глаза, честное благородное лицо с совершенными чертами, белоснежный конь и баронский титул.

Юноша очень быстро узнал, как ее зовут, что она делает в городе, где остановилась. Тотчас ее утвердили на место ученицы мага, а через неделю она получила предложение руки и сердца.

Народ ликовал. А как же иначе, ведь барон выбрал себе в

жены девушку из простых, из наших! Гретхен сразу же стала всеобщей любимицей. Барон настоял на скорейшей свадьбе.

Гретхен была счастлива. Все аргументы против брака и за свободу и независимость были мигом забыты. Правда, во имя внутренней гармонии она все-таки пообещала себе, что не бросит заниматься магией и после свадьбы.

Пока ее поселили в замке. Днем она участвовала в приготовлениях к свадьбе, все вечера проводила с возлюбленным, тихо тая от счастья, а ночами мечтала.

Все рухнуло внезапно. Однажды под утро Гретхен услышала шум и выбежала в коридор узнать в чем дело. Ее тут же схватили двое стражников и поволокли к своему начальнику. Там уже был ее барон. Она рванулась было к нему, но на его прекрасном лице уже не наблюдалось признаков той любви, что освещала его еще вчера.

Гретхен обвинили в колдовстве: мол, она приворожила молодого барона, обманом выведала у него тайный путь к городской казне и с помощью брата – беглого каторжника – похитила ее.

Всё было против нее. У нее действительно был брат-каторжник. Как оказалось, две ночи назад он сбежал. Она знала, где потайной ход к городской казне. Сам барон показал его ей, причем это видел и начальник стражи. Этот путь мог спасти обитателей замка в случае осады. А свои магические способности девушка и сама не скрывала – ведь она была ученицей мага, затем и пришла в этот город.

Да и барон подозрительно быстро и крепко влюбился в нее, так что возникал вопрос: как деревенская нищенка смогла заинтересовать высокородного? Всё, за что ее еще вчера превозносили, оказалось вдруг преступлением.

Суд был короток, приговор – жесток. Ведьме – пламя!

До последнего Гретхен не могла поверить, что это происходит с ней. Ведь не может же тот, чей голос так недавно дрожал от страсти, когда он объяснялся в любви, спокойно отправить ее на костер. Она ни в чем не виновата. Это ведь всем понятно. Не могут же ее – чистую, невинную, такую прекрасную – сжечь!

Сначала Гретхен не сомневалась, что вот сейчас в тюрьму ворвется ее златовласый барон и освободит ее или властным словом, или мечом. Потом она решила, что он не сможет открыто пойти против городских властей, поэтому спасет ее подкупом или еще какой-нибудь хитростью. Даже когда ее вели в белой рубашке к площади, чтобы там на высоком костре сжечь как ведьму, она не переставала верить, что люди, которые с ликованием выкрикивали ее имя, когда объявили о ее помолвке с бароном, не допустят такого надругательства над правдой. Гретхен просто не могла представить, что ее блестящим волосам, совершенной коже, идеальной фигуре и чудесному лицу суждено сгинуть в уродующем все это пламени.

Каково же было ее удивление, когда она увидела ликующую в предвкушении зрелища толпу, когда услышала про-

клинающие ее вопли, в которых больше всего было злорадства, и когда голубоглазый барон, вместо того, чтобы зачитать приказ о помиловании, распорядился заменить сухие дрова на более сырые, дабы ведьма не отделалась быстрой смертью. Гретхен не могла поверить, что даже в последней милости – мешок на голову и веревка на шею – ей было отказано.

Несчастливая смотрела на высокий помост, где закат золотил и без того подобные солнцу волосы ее любимого, пока огонь не добрался до ее обнаженных ног. Потом уже не было солнца – подступила боль и заполнила собой все, не оставив места ничему другому. В огне исчезла совершенная кожа, роскошные волосы, фигура, на которую зарились все мальчишки из ее деревни, – не осталось и самой девушки. Бьющееся в агонии существо не могло уже быть той Гретхен. Она перестала существовать там, на площади небольшого вонючего городка, настоящее название которого никто и не помнил.

– Что ты мне такое говоришь?! – возмутилась Ива. – Вот ты здесь сидишь передо мной и заявляешь, что умерла там. Десять лет назад!

Девушка с явным трудом сфокусировала взгляд на знахарке. Потом смутилась.

– Ты права. – Она поколебалась и продолжила. – Я здесь. Но суть в том, что меня нет, той, прежней, что была. Нет наивной дурочки, что любила его и верила в сказки.

Девушка продолжала что-то говорить, но Ива вдруг перестала ее слышать. Она видела перед глазами огромный костер из полусырого хвороста, что не позволяет огню сильно разгореться, а человеку, привязанному к столбу по центру, задохнуться, и корчащуюся в огне фигуру. Воображение услужливо дополнило картину сомнамбулическими воплями толпы и тошнотворным запахом горелого мяса и костей. Ива чуть не подпрыгнула:

– Но как ты выбралась?

Вопрос заставил Гретхен надолго замолчать. Потом она все-таки выдавила из себя:

– Все-таки я ведьма. Вернее, маг. Я смогла телепортироваться. Ни разу этого не делала до того момента и позже не смогла. Но тогда это просто получилось. Очнулась я уже в лесу. Вот на этом месте.

– Нечего себе – телепортировалась! Я даже не слышала, что такое возможно без особой подготовки, ну пентаграмм там всяких или амулетов.

– В принципе возможно. Просто для мага моего уровня практически нереально.

– А почему именно сюда?

– Здесь похоронен мой брат. – На девушку было страшно смотреть.

– Похоронен? А разве он не сбежал с деньгами из городской казны? Ой, я хотела сказать...

– О боги! Неужели ты веришь этой истории?! Что я украла

эти деньги?!

— Нет, нет, конечно же, нет! Я просто еще не знаю, что на самом деле-то произошло.

— О, все очень просто!

Всё действительно было очень просто. Барон очень любил тратить деньги. Он любил играть в карты, на скачках; предпочитал дорогие ткани и хороших лошадей, не говоря уже о менее невинных развлечениях. И однажды его деньги кончились. Имение заложить он не мог. Городской казной, хоть она и хранилась в замке, распоряжаться не имел права. А на кредиторов не действовала белозубая улыбка. Тогда барону в голову пришел план, как завладеть казной: попросту украсть и не попасться. На кого всегда можно свалить вину? В чью вину обязательно поверят практически без доказательств? Ведьма нужна была барону. И когда он столкнулся на площади с Гретхен, которая была претенденткой на место ученицы городского мага, он не упустил свой шанс. Разыграть внезапную и всеобъемлющую любовь было не сложно. А всякая молоденькая, пусть даже «знающая жизнь» девушка мечтает о красивом богатом и знатном возлюбленном, и чтобы обязательно он влюбился в нее с первого взгляда и, разумеется, предложил руку и сердце. Только в планы барона не входило жить долго и счастливо и умереть в один день.

Его люди вытащили с каторги брата влюбленной дурочки и той же ночью прикопали его в лесу, чтобы потом заявить, что ему удалось сбежать вместе с деньгами. А барон

в нужный момент — когда это слышал начальник стражи — показал Гретхен потайной ход. Осталась самая ерунда: подсыпав часовому, охранявшему казну, снотворное («околдовали, не иначе»), перетащить городское золото в баронские закрома, поднять вовремя тревогу и обвинить во всем молодую ведьму, которая просто не успела скрыться вместе с братом. Любовь черни легко обратить в ненависть. Виновик найден. Ведьму надо покарать — и за кражу, и за то, что покусилась на барона, еще такого молодого и наивного, верящего в неземную любовь.

Ведьме — пламя!

О да, ведьме пламя и досталось.

Одного ты, барон, не учел. С магами лучше не связываться. Даже с молоденькими.

Десять лет прошло. И время мести наступило.

— И ты собираешься мстить?

Девушка подняла на Иву глаза, и знахарке захотелось оказаться как можно дальше от этого места и никогда даже не слышать эту историю. А больше всего ей не по душе было связываться в нее, но внутренний голос говорил, что теперь ей уже так легко от всего не отделаться.

— О да, я собираюсь мстить.

— И как же?

— Надо пробраться в замок...

— И как же ты это проберешься в охраняемый замок, если тебе даже в город входить опасно?

– Ты забываешь, что я знаю, где тайный ход. – Она невесело усмехнулась.

– Но ты только вход в него из замка видела, – резонно предположила Ива.

– И примерно знала, где выход. Чем, ты думаешь, я занималась последние десять лет? Но мне нужна помощь. Одной мне не справиться.

– Эй, что ты так на меня смотришь? Я не подписывалась участвовать в убийстве!

– Я не собираюсь его убивать! Поверь мне!

– Но как же тогда?...

– Есть для него кое-что пострашнее! Пусть люди узнают правду! Среди украденных им сокровищ был шар истины. Мне надо только достать его. Он точно находится в его покоех. Тогда я выберусь на главную площадь и ударю в набат. Когда все соберутся, потребую справедливого суда, пригрожу, если что, разбить шар, а это величайшая драгоценность для города. Они не смогут мне отказать. Закон будет на моей стороне. Вот пусть попробует солгать на шаре истины! И отомщу, и имя свое доброе восстановлю.

– Что-то не нравится мне план, – проворчала Ива, – какой-то он шаткий.

– Я десять лет его разрабатывала. Должно все получиться.

– А я-то тебе зачем?

– Потайной ход имеет массу всяких запоров и ловушек, в том числе и магических. А я уже не в силах с ними спра-

виться.

– Что значит – уже? Ты же ведьма.

– Огонь, Ива, высасывает силы из ведьмы. Мне пришлось десять лет восстанавливать их. Сейчас и трети не осталось.

– Но я тоже не ахти какой маг.

– Ты травница, так?

– Так.

– Это то, что нужно. Чтобы взломать ловушки, можно использовать волшебные травы.

– Ничего не понимаю. Я, конечно же, слышала про разрыв-траву, но ни разу даже не держала ее в руках. Вообще подозреваю, что это сказка, каких много.

– О нет, не сказка. Впрочем, неважно. Она нам и не понадобится. Знай же, знахарка: к любому замку – даже самому искусному – найдется отмычка. На одну магию можно подействовать другой. Магию огня не сломить огнем, так почему бы не попробовать воду? Ловушки в потайном ходу поставлены книжной магией. Их не сломит даже архимаг. Но есть травы, которым это под силу.

– Да? – заинтересовалась Ива.

Через какое-то время травница направилась прочь с поляны.

– Знахарка! – раздалось сзади. Она обернулась. Девушка сидела все там же, и ее темные волосы свисали так же печально, как ветви ивы над ней. – Сейчас ты уходишь за травами в городскую лавку и говоришь, что вернешься. Но стоит тебе

сделать шаг за пределы этой поляны, и ты начнешь сомневаться в моей истории. Оказавшись в городе, ты придешь к выводу, что риск слишком велик. Ты подумаешь, что все это тебя совершенно не касается, и будешь права. Ты начнешь колебаться, потому что тебе тоже очень хочется жить, и в конце концов, опоздав к восьми вечера, решишь, что на то была воля богов. И сейчас я могу только молить тебя пролитой кровью невинных вернуться. Прошу тебя – возвращайся.

Ива смотрела на ведьму. У той были глаза побитого зверька или больного ребенка. Знахарка начала ругаться про себя, ибо знала, что вернется, несмотря на весь здравый смысл и почти побежденный инстинкт самосохранения.

Как только Ива ушла с поляны, ее, как и предсказывала Гретхен, начали обуревать сомнения. Не нравилась ей вся история. Да и девушка казалась какой-то уж слишком странной, а ее план таким зыбким, что будет чудом, если он удался.

Как и следовало ожидать, город знахарке – слишком грязный, слишком шумный, слишком злой – не понравился.

С трудом отыскав в этом хаосе лавку травника, Ива с облегчением вдохнула столь любимые ароматы. Побродив по маленькому помещению, она подумала, что с удовольствием оставила бы здесь все полученные от разбойников деньги, вздохнула и покорно перечислила хозяину весь продик-

тованный ей Гретхен список.

– О-о, сразу видно специалиста, – одобрительно хмыкнул тот.

Ива тяжело вздохнула – сама она не знала даже половины названных трав.

– У вас все есть?

– Дайте проверить. Да, вроде бы. Вот только...

– Что – только?!

– Нет-нет, все в порядке. Вот посмотрите – все вас устраивает?

Ива придирчиво перебрала травы. В тех, о которых она знала, не было ни единого изъяна. Мудро покивав по поводу остальных, она расплатилась и направилась к выходу. Задержавшись около какой-то очередной баночки, она услышала разговор травника с мальчишкой-помощником.

– Отнеси эти травы в башню звездочета.

– В старую?

– В ту, что на окраине, болван!

Знахарка хмыкнула и направилась за мальчишкой. Пропетляв по закоулкам, тот, в конце концов, оказался перед довольно жалко смотрящейся башней, единственным достоинством которой, на взгляд Ивы, была ее высота. Каким чудом этому славному сооружению удавалось держаться в вертикальном положении, так и осталось для нее загадкой.

Когда мальчишка скрылся из виду, знахарка постучала в деревянную дверь, отчаянно надеясь, что это не приведет к

непоправимым последствиям вроде обрушения всей башни.

– Что-то забыл? – раздалось внутри, и в следующую минуту перед Ивой предстал маленький сухонький старичок с просто хрестоматийной внешностью: длинными седыми волосами и бородой. – Э-э, чем могу вам помочь, девушка?

– Здравствуйте, вы меня не знаете, но я подумала, что вы сможете выручить меня.

– Вы хотите узнать, он ли предначертан вам звездами? – лукаво прищурился старичок.

– О нет, – после секундного замешательства засмеялась травница, – предпочитаю, чтобы будущее было тайной. Я знахарка и...

– А, знахарка, – как будто что-то поняв, протянул звездочет, – я как раз собирался пить чай, составите мне компанию?

– С удовольствием, – улыбнулась Ива.

Маг попятился и впустил ее в свою обитель.

В ней не оказалось вопреки ожиданиям девушки ничего, что говорило бы о профессии хозяина.

– Я единственный маг на многие мили вокруг, так что мне не надо рекламировать свое ремесло внешними атрибутами, – правильно истолковал он удивленный взгляд. Ива покивала, хотя последнее слово было ей незнакомо. – К тому же я давно отошел от дел. Мое ремесло – звезды, – продолжал он, неторопливо доставая вторую чашку и разливая горячую жидкость. – Да, звезды, их неторопливый бег по небо-

склону, их непознанные и зачастую непостижимые тайны. А вы садитесь, коллега.

Ива с чувством легкого благоговения взяла в руки чашку из какого-то необыкновенно тонкого и красивого материала. Напиток был ей знаком, хотя она привыкла к его намного более слабому вкусу. Может, и прав был менестрель насчет того, что ей надо учиться магии.

– Так чем могу быть полезен? – Голос звездочета – мягкий, вызывающий какое-то почти магическое доверие – вернул ее к действительности.

– Видите ли, – улыбаясь, начала она, – у меня есть магические способности, и мне хотелось бы их развить, научиться магии. Но я не знаю, что для этого нужно.

– Как что? Отправляйтесь в Университет магии. Это самый доступный способ.

– Я ни одного не знаю.

– А-а, это дело поправимое. Ближайший и совсем неплохой находится в столице. Любой укажет вам, как туда идти. Еще один расположен у моря в Аркадии. Это подальше. Идти по южному тракту по направлению к главному порту Александрии, а оттуда ведет чудесная дорога по берегу моря вдоль виноградных угодий Шааеннгарда. Там все знают дорогу. Все остальные очень уж далеко.

– А есть еще? – удивилась Ива.

– Да. Еще два или три для людей. Ну и у других рас есть, но туда, как правило, таких, как вы, не берут. Да и без на-

добности. Их магия зачастую ориентирована на особенности их же рас. Отправляйтесь в столицу или в Аркадийский университет.

– А далеко ли до них? Наверняка дорога туда опасна.

– Это есть. Но что делать? Разве вы, уходя из дома, не хотели приключений?

Ива покаянно усмехнулась.

– А скажите, ведь некоторые маги берут учеников?

– Да, но скажу вам по секрету, коллега, для такой молодой девушки, как вы, это будет очень-очень скучно. В университете намного веселей.

– А разве у вас нет ученика?

– Боги с вами! – замахал маг руками. – Нет, конечно!

– Но ведь однажды вы даже конкурс проводили, чтобы выбрать себе ученика?

– Это и тогда была не моя идея. Барон думал – так выйдет дешевле, чем отправлять кого-то на обучение в столицу. И что вышло? Как говорится – не гонись за дешевизной! Нет-нет, девушка, отправляйтесь в университет. Так оно для всех будет лучше. И для вас в первую очередь.

Поблагодарив за уделенное время, совет и угощение, Ива вышла на улицу и задумалась. Значит, это барон захотел, чтобы звездочет взял себе ученика. В город стали стекаться начинающие маги со всей округи. Чего проще было посадить верного человека, чтобы тот выбрал подходящую кандидатуру на роль «ведьмы-невесты» и свистнул барону, ко-

гда придет время для эффектного появления. Да и звездочет не кажется таким уж дряхлым, еще не один год протянет, а уж десять лет назад... Наверняка никого так и не послали учиться в университет. Совпадение? Или хорошо продуманный план?

– Эй, знахарка!

Ива повернулась на голос. Задумавшись, она в конце концов оказалась на главной площади города, где на нее и наткнулся один из поваренков с постоялого двора – смышленный подросток с кучей прыщей и обаятельной ухмылкой. Он не раз помогал ей ухаживать за больными.

– О, приветик! Ты-то тут какими судьбами?

– Да вот меня послали за травами, что ты же и указала.

– Похоже, сегодня у травника удачный день, – хохотнула она. – Слушай, как насчет перекусить?

Поваренок покосился на трактир, из которого чем-то очень вкусно пахло.

– Ну идем. Огоблинело жрать то, что сам наготовил.

Наевшись до отвала, они потягивали оказавшееся совсем неплохим пиво и неспешно беседовали.

– Слушай, раз мы уж тут встретившись, поможешь мне выбрать эти гоблиные травы.

– Помогу. Если расскажешь мне, что это один милый человек с кучей дырок в теле так взъелся на ведьм.

– Ну...

– Эй, еще два пива сюда!

– Ну ладно. В конце концов, он столько раз всем, чьи уши оказались свободны, рассказывал эту историю – не думаю, что это такая уж тайна. Ну слушай...

Мало есть вещей приятней кружечки пива под хороший рассказ.

Старший брат Грегори – так звали раненого разбойника – в свое время служил у барона, причем выполнял порой очень деликатные поручения, что немало способствовало его карьерному росту. Грегори имел все основания тоже рассчитывать на тепленькое местечко.

– Помнишь тот день, когда сожгли ведьму?

– Их много сожгли. – С деланным равнодушием знахарка пожала плечами.

– Ну ту, первую?

– Слышала об этом.

– Так вот за пару дней до этого...

За пару дней до этого братец старший куда-то в очередной раз отправился по баронским делам. Появился очень задумчивый и озадаченный. А когда с утра поднялся шум и ведьму потащили на допрос, жутко перепугался, мигом примчался домой, приказал Грегори немедленно собираться, потому что они уезжают из города, причем очень срочно. Через пару минут постучали. Брат побледнел и мигом вытолкнул Грегори в заднюю дверь, приказав тому бежать и не оглядываться. Так он и сделал. Через пару дней Грегори узнал, что тело брата нашли на пороге их дома.

– Ну надо же... – протянула Ива. – А как ты думаешь, почему?

– Уж не знаю. Но все это, – поваренок смачно хлюпнул пивом, с сожалением глянув на опустевшую кружку, – каким-то образом связано с ведьмой, ну той самой, с которой все началось. Грегори достал всех уже своей ненавистью к ведьмам. А в их деле, ясен пень, без лекарей никак не обойтись, так что главарь начинает уже тихо закипать от его выходов.

«Одно к одному, – думала Ива, озираясь на главной площади. – Прямо как по писаному». Место было шумное, суетливое, какое-то очень неприятное. Тяжелое место. Может, потому, что Ива в отличие от большинства своих соплеменников не любила глазеть на публичные наказания, – а где их еще устраивать как не на главной площади. Ива передернула плечами и попыталась сосредоточиться, чтобы ощутить ее скрытую магию. «И как здесь можно колдовать?» – подписалась под собственной неудачей спустя некоторое время она.

«Что же делать?» У Ивы было стойкое чувство, что Гретхен сказала ей далеко не всё. Что-то все-таки странное было в ней. Хотя станешь тут странной, после того как собственный жених почти сжег тебя на костре! На месте Гретхен могла оказаться любая другая девчонка. Если, конечно, она рассказала правду. Ива честно призналась себе, что ей тоже было бы безумно приятно, если молодой прекрасный принц – тьфу, барон – в один миг был очарован ее красотой, пал

на колени, признаваясь в любви, и предложил руку и сердце, сделав баронессой. Знахарка аж улыбнулась. Да, безумно приятно. Только почему-то намного вероятней был бы именно сценарий по Гретхен. Как-то не верится, что принцы, будь они даже всего лишь бароны, способны на такое. «Да-а, вот теперь буду каждого своего возлюбленного подозревать во всяких злых умыслах. Как же настоящая любовь?» Ива хихикнула. Потом подумала, что Гретхен тоже считала, будто знает жизнь. Веселье мигом схлынуло.

Знахарка призналась себе, что совершает абсолютную глупость. Точно такую же, как когда-то Гретхен. Если ее рассказ – правда.

Глупость состояла в следующем:

Пункт 1. Нельзя совершать диверсии против сильных мира сего.

Пункт 2. Если ты их совершаешь, не делай этого вместе с совершенно незнакомыми людьми.

Пункт 3. Если ты все-таки взяла незнакомого человека с собой в такое безнадежное мероприятие, план составляй сама.

Пункт 4. Если даже план не твой, играй в нем главную роль, чтобы действия партнера не могли провалить всю операцию.

Были еще пункт пятый и пункт шестой, но Ива честно признала, что все равно полезет в это дерьмо. И не только потому, что ей было жалко Гретхен, а зло должно быть на-

казано, и даже не из магической и женской солидарности, — причина на самом деле существовала только одна: Иве было интересно.

Какого гоблина, собственно?! — в конце концов решила она.

Гретхен ждала ее в условленном месте. Уже темнело, так что знахарке не удалось разглядеть что-либо на ее лице.

— Темно совсем, — прошептала она. — Давай разбираться с травами.

И они приступили к делу. Много времени это не заняло. Нужны были даже не зелья, а скорее продуманно составленные букеты и отвары.

Позже они подошли к невысокому, но почти отвесному холму.

— Нам вот туда. — Гретхен показала на самый верх.

— Ого, — закинула голову Ива, — и как ты собираешься туда попасть?

— Что значит как? Взлетаем и смотрим, что там к чему.

— Взлетаем? Я что, по-твоему, воробей?

— При чем тут воробей? Взлетай, давай!

— Я не умею!

— Но ты же ведьма!

— Маг!

— Один гoblin! Ты что, правда, не сможешь взлететь на такую смешную высоту?

– Я даже на вершок не взлечу. Только если вниз.

– О боги! Учись! – Гретхен вытянулась на носках и плавно поднялась в воздух. – Все, что нужно, помимо магических способностей, это представить, что ты летишь. Как будто тело действительно может это делать. Просто вообрази себя летящей и забирающейся сюда.

– Тебе легко говорить! Сама уже умеешь!

– Делай, гоблин тебя дери!!! – рявкнула вдруг Гретхен. Ива от неожиданности чуть не свалилась в грязь. Ей стало словно холодно. Лицо Гретхен вдруг исказилось такой яростью, что Ива просто испугалась.

– Ладно. Не ори.

Под суровым взглядом Ива прикрыла глаза и представила себе, что поднимается на нужную высоту.

– Не нужно представлять себе, что у тебя есть крылья. Ты все равно не умеешь ими пользоваться.

Травница повернула голову. У нее за спиной развернулись роскошные призрачные белые крылья.

– Вау! Красотища!

Она попыталась взмахнуть ими. Ничего не получилось.

– Ива, хватит выделываться. Чтобы летать на воздушных крыльях, нужно знать, как они крепятся и работают. Просто слевитируй сюда.

– Сле... чего?

– Поднимись сюда. Просто как будто ты здесь оказалась.

Ива снова закрыла глаза и мысленно оказалась рядом с за-

висшей в воздухе напарницей. Разумеется, только мысленно. Тот же результат был и через четверть часа.

Гретхен начала тихо закипать, но вдруг ее лицо исказилось от ужаса.

– Волки! – не своим голосом заорала она.

Ива мигом очутилась в воздухе. Только оказавшись около нужного уступа, она обернулась. Волков внизу не было. Ива тут же стала падать. Кошкой извернувшись, она смогла-таки уцепиться за камни. Гретхен стояла там же и смотрела на нее. Поболтавшись какое-то время на весу, знахарка все-таки забралась наверх полностью. Отдышавшись, она рывкнула на ведьму:

– Почему ты мне не помогла?

Гретхен скривилась:

– Я тебе помогла.

Пылая от праведного гнева, Ива огляделась. Эта часть холма ничем не отличалась от нижней.

– Дверь вот здесь. – Голос показался знахарке очень уж странным. Дверь, если можно назвать так то маленькое отверстие, в которое девушки после некоторых манипуляций все-таки залезли, была прикрыта дерном и какими-то вьющимися растениями, даже без зелени отлично закрывающими ее.

– Ой, здесь же темно! Что ж мы факел-то не взяли?!

– Не бойся, иллюминацию я тебе обеспечу. – Ива обернулась и увидела, что Гретхен вся как будто стала излучать

бледный лунный свет. Впрочем, его вполне хватало, чтобы видеть, что у тебя под ногами. Ход был узкий и почему-то высокий. Гретхен полетела вперед.

– Слушай, а полет разве не отнимает слишком много сил?

– Левитация. Это называется левитация. Но ты права. Хватит выпендриваться. – Девушка спустилась на землю и решительно зашагала вперед. – Увидишь красные кирпичи, скажи мне.

Впрочем, за своей спутницей Ива почти ничего не видела. От света, который лился около нее, слезились глаза. Так что красные кирпичи заметила первой Гретхен.

– Ага. У тебя черед и полынь?

– Да. Так же как все остальные травы, – съязвила знахарка.

– Положи веточку череды вот сюда и сюда... – Ведьма словно не сочла нужным это заметить.

Ход был длинный. Пару раз его преграждала стена, которая открывалась механическим или магическим путем. Было несколько ловушек, но их девушки успешно миновали.

Гретхен не пожелала отвечать на вопрос об источнике ее знаний о них, объяснив все магией. Ива ей не верила. Скорее всего, магия действительно могла дать ответ на любой вопрос. Но надо знать, где искать. А знахарка сомневалась, что напарница, не имея магического образования, способна обладать такими знаниями. Здесь, вероятнее всего, были замешаны темные силы. А раз так, то хорошо бы выяснить, что предложила Гретхен им в обмен на помощь?

– Ага, вот это место. Дальше я без твоей помощи уж точно не пройду. – Гретхен остановилась и обернулась. – С тобой все в порядке?

– Да. Что делать?

– Доставай то зелье, что мы наварили. И расплескивай его вот от сих и... пока я не скажу.

Вот это-то зелье и не давало Иве покоя. Из его компонентов она знала только барвинок, базилик, бобы, ладан, мяту и горь-траву. Первый она сама часто использовала в приготовлении любовных зелий и во всевозможных обрядах, связанных с любовными делами. Бобы были символом бессмертия, могли восстанавливать и поддерживать магическую силу, поэтому их так любили все волшебные существа. Также они давали способность к беспорядочным и порой нелепым превращениям, в любом случае усиливая эту способность. Ладан и мята использовались везде. Горь-трава чаще всего помогала в призывании духов, облегчая им путь в этот мир. А вот базилик использовался в погребальных обрядах. Это и объединяло его со всеми остальными. Ива просто не могла понять, как варево из всех этих трав может помочь им взломать магическую охрану. Конечно, остальные растения могли повлиять на свойства этих каким-то совершенно особым образом.

– Так, стой. Теперь пройди вперед.

– А почему я?

– А почему нет?

– Ты все время шла впереди. С чего это я теперь?

– Прошу тебя – иди. Время подходит, а мы еще не на месте!

– Какое время?

– Умоляю, иди! Иди же!

Ива подумала, что надо поработать над собственной бесхарактерностью. «Всё, – решила она, – это последнее доброе дело».

Она прошла вперед, и с ней ничего не случилось.

– Стой! – Гретхен стояла все там же. Знахарка недоуменно посмотрела на нее.

– Что-то не так? – Ива украдкой оглядела себя на предмет появления копыт, пяточков, хвостов и окружающий пейзаж – не лежит ли где бесхозное бездыханное тело со светлыми волосами, карими глазами и в ее одежде. Таковых не обнаружилось. – Ну что?

– Позови меня, – очень тихо произнесла ведьма.

– Зачем?

– Ива, просто позови.

– Ну ладно, если тебе так хочется, – пожала она плечами. – Иди сюда, Гретхен.

Брюнетка вздохнула и медленно двинулась вперед. Оказавшись рядом с Ивой, она вздохнула с облегчением:

– Получилось! Даже не верится.

– А что могло не получиться?

– Только для меня. Молчи. Все потом. Идем вперед. Ты

чего оглядываешься?

– Холодно, однако.

– Холодно? Я не чувствую.

– Нет, правда, словно похолодало. Причем холоднее со спины.

– Идем быстрее.

Подобных преград оказалось еще две.

– Слушай, долго еще? Я уже замучилась спотыкаться!

– Почти на месте.

Ива еще раз оглянулась. Ее не оставляло ощущение, что кто-то за ними наблюдает и словно крадется по их следам. Гретхен все ускоряла шаг, беспрестанно что-то бормоча под нос. Лицо ее все бледнело и бледнело. Ничто не напоминало больше о той миловидной красоте, которая так поразила знахарку в начале знакомства. Все более оно стало походить на лицо ведьмы, жаждущей мести. В принципе, так оно и есть, с неудовольствием признала Ива. «Что я-то делаю с этой сумасшедшей? Нет, больше никаких добрых дел».

Чем дальше девушки продвигались, тем неуютней становилось Иве. Гретхен неслась вперед, ни капельки не сомневаясь, что знахарка следует за ней. В какой-то момент голову последней посетила не лишенная рационального зерна мысль: просто отстать да подобру-поздорову уйти тем же путем, что пришла.

Ива вновь посмотрела на Гретхен. Она уже не шла и даже не бежала, а летела над полом. Ее окутывало полупро-

зрачное серебристое сияние. «Что же это за заклинание такое? – подумала знахарка, отчаянно пытаясь поддержать тот же темп. – И зачем тратить силы на левитацию?»

В этот момент Гретхен со всего размаха врезалась во что-то. Взвыв, как подстреленный гоблин, она шмякнулась на пол. Ива бросилась на помощь, но ведьмочка взвизгнула «Нет!» и подлетела чуть ли не под потолок. Знахарка задрала голову и отпрянула. Лицо Гретхен было искажено нестерпимой и просто нечеловеческой яростью.

– Я просто хотела помочь, – залепетала девушка. Всю ее пробрала дрожь, и незнамо откуда взявшийся страх заволок сознание. Никогда раньше она не испытывала такого всепоглощающего первобытного ужаса. Казалось, сердце съеживается, стараясь сделаться как можно меньше, и кровь просто больше не может пробраться сквозь него. Холод в одно мгновение охватил все тело. В висках отчаянно забились кровь.

– Делай, что говорю! – Голос прозвучал, казалось, прямо в голове. – Мажь зельем, как и раньше! Быстро!

Изрядно потемневшая уже мазь послушно ложилась на указанные места. Магия вилась вокруг, как пчелы над медовым пирогом. Ива же с трудом отходила от пережитого ужаса. Мозг включился последним. Но знахарка успела понять, что сама она может спокойно пройти сквозь непреодолимую для Гретхен преграду.

– Нажми этот рычаг!

Руки подчинились приказу. Стена перед девушками скри-

пуче отъехала в сторону. Они смогли увидеть широкий беспорядочно украшенный оружием коридор с чадающими факелами и не в меру удивленного стражника с алебардой.

– Сонное зелье!

Ива пришла в себя на мгновение раньше стража и, что есть силы, бросила в него бутылочкой со снотворным. Та разбилась о стену, и мужчину окутало сиреневое облако, из-за которого он так и не успел воспользоваться оружием.

Знахарка запоздало спохватилась, что сонное зелье действует на всех людей. Закашлявшись, она отвернулась и судорожно начала кутаться в плащ. Мимо нее пронеслась Гретхен, которую, судя по всему, нимало не заботила перспектива соснуть на пару часов под баронской дверью.

Управившись с импровизированной повязкой, Ива побежала догонять неутомонную ведьму. Знахарке пришлось повозиться с дверью, у которой бесцеремонно развалился стражник.

Закрывая рот и нос плащом, Ива ввалилась в комнату, чуть не споткнувшись об уснувшего несправедливым сном охранника. Заваленная его телом дверь с трудом поддавалась, и знахарка пролезла внутрь, недоумевая, как это Гретхен так быстро удалось прорваться через эту преграду.

Зрелище, открывшееся ей в комнате, напрочь прогнало из сознания все посторонние мысли. Даже дверь, с силой ударившая ее по ягодицам, оказалась не в состоянии отвлечь ее от увиденного.

Посреди комнаты в скрюченном положении сидел милый светловолосый юноша. На роскошной постели лежала розовощекая девушка, явно из простых.

Юноша медленно отползал спиной к стене с окном. Но не это так поразило Иву. В ее сознание мгновенно ударились волна нечеловеческого всепоглощающего ужаса, как несколько минут назад в коридоре. Но на этот раз она была направлена не на нее, поэтому знахарка смогла рассмотреть то, что раньше была не в силах. Гретхен, которая и являлась причиной такого состояния людей, зависла в паре локтей над полом, по-прежнему светясь серебристым светом, но на этот раз... Ива могла спокойно рассмотреть комнату *сквозь* нее: ведьма была прозрачной как... как призрак.

Знахарка чуть повторно не рухнула, на этот раз от осознания своей близорукости. Гретхен давно уже не была человеком. Она являлась призраком, привидением. Это объясняло все странности в ее поведении: и небывалое всезнание, и потребность в помощи знахарки (призраки-то ведь не могут колдовать), и полеты, тьфу – левитацию, и то, почему она ни разу не прикоснулась к Иве, даже когда та чуть не свалилась с холма, а главное – этот нестерпимый, сжигающий душу ужас. Да и зелье! Недаром оно таким подозрительным показалось Иве. Нет и не было там ни одного компонента для открывания потайных врат, а вот для призвания духов умерших, для облегчения их пути – почти все! В десятую годовщину смерти Гретхен обрела возможность на пару часов

оказать физическое воздействие, а бобы усилили эту способность.

Ива мгновенно поняла, почему Гретхен на самом деле пришла сюда этой ночью. Уж вовсе не за тем, чтобы отнести на площадь шар истины. Знахарка теперь вообще сомневалась в его существовании. Очевидно, сегодня было ровно десять лет со дня казни. Гретхен вовсе не телепортировалась со своего костра. Не зря ведьм не топили и не вешали – огонь выпивал силы магов – да и не по зубам было молодой колдунье такое сложное заклинание. Гретхен сгорела там, причем заживо, закончив свою жизнь в страшных муках, чтобы потом десять лет блуждать вокруг города невидимым для людей и не обладающим магическими способностями призраком. Очевидно, город, а тем паче замок барона, был окружен каким-нибудь эффектным заклятием, отваживающим от него привидений. Ива слышала, что такое часто практиковалось, если хозяева не являлись приверженцами убеждения, что замок только тогда и является таковым, когда в нем есть собственный призрак. Однако с помощью доверчивой знахарки – вот дура-то! – Гретхен обрела возможность прорваться сквозь защитные круги.

Сегодня было десять лет с момента смерти девушки, и именно в эту ночь у привидения появилась реальная возможность отомстить. Потребовать расплаты за смерть, боль, предательство. Поэтому ведьма так и рвалась сюда, поэтому она так испугалась того, что Ива дотронется до нее – первый

удар гнева должен был обрушиться совсем на другого человека: того, кто корчился сейчас на полу.

Даже сквозь пелену страха, все еще затмевающего сознание знахарки, Ива заметила красоту барона. Теперь она отлично понимала, почему Гретхен была так сражена с самого первого взгляда. Совсем немудрено. Особенно для такой мало что видевшей деревенской девчонки, как... Ива. Или для той, которой раньше была Гретхен. Для наивной девочки, считающей, что она достойна лучшего, чем безликая жизнь в плену тяжелого быта.

Ива просто не могла понять, как человек с таким чистым открытым лицом мог столь хладнокровно отправить невинного на костер – на казнь, мучительнее которой нет. Полные ужаса прекрасные глаза искрились голубизной июньского неба, умытого дождем и словно светились изнутри. О боги, неужели Гретхен... ошиблась?!

Ива смотрела на искаженную ужасом мордашку принца – тьфу, барона – и не могла поверить, что он мог... мог так поступить. Предать, убить... нет, это просто слова – слова, которые не в состоянии передать даже самой малой частицы той боли, которую пережила Гретхен. Гретхен... неужели это шипящее, скалящееся, переполненное злобой и ненавистью существо и есть та миловидная девчонка? Неужели все ложь и все обман? И тебя, Ива, подставили как обыкновенную доверчивую дурочку?

– Это ты, Гретхен? – прошептал вдруг барон. – Ты?

– Да. Я. Узнаешь, паскуда? – прошипело привидение. – Узнаешь? Думал, что через десять лет можно спать спокойно? Нет, мой дорогой и любимый! За всё рано или поздно приходится платить! Думал подставить человека и спать спокойно?

– Гретхен! Гретхен! Я не делал этого! Не делал! Это не я тебя подставил! Я только потом узнал, что это не ты! Когда казна нашлась, да еще в моих покоях!

– Не ври, гаденыш!

Иву вновь пронзил ужас, заставив спиной вжаться в дверь. На барона смотреть было страшно. Страх рвал его на кусочки.

– Это не я! Не я! Не я! – орал он. – Это кто-то из твоих соперниц! Или моих врагов! Может, кто-то, кому тоже очень хотелось стать баронессой!

– Не ври! – Шшипение перешло на ультразвук.

Иву швырнуло на колени, все тело сгибалось и корчилось. Казалось, невидимые ножницы режут ее на кусочки и не остается в ней ничего человеческого, разумного, светлого, а всепоглощающее отчаяние съедает душу и разум, превращая в бессловесное животное, мерзкую тварь, желающую только одного – прекращения этой пытки ужасом.

– Я всегда любил тебя! Тебя! И только тебя! С той самой первой минуты, когда увидел! Самой первой! Я глаз не мог отвести! И счастье мое не знало предела! А потом я узнал, что ты вовсе меня не любила! А просто использовала! Я хо-

тел убить тебя собственными руками! Хотел уничтожить! Чтоб даже памяти о тебе не осталось на этой земле! Но передо мной все время стояло твое прекрасное лицо! В ушах звенел твой смех! И боль была невыносимой! Я так любил тебя, Гретхен! Так любил! Кто-то предал нас обоих, любимая!

– Но кто? – прошептала та.

И это вновь была та милая девушка, от обаяния которой невозможно было укрыться. Она стояла на коленях рядом со светловолосым юношей, и они казались прекрасной парой.

Иве хотелось плакать. То ли потому, что страх отпустил, то ли от осознания несправедливости мира, то ли еще по какой-то причине. Ей хотелось плакать и одновременно укрыться от холода, который ее окутал вдруг со всех сторон. Этот был тот самый холод, что она чувствовала в подземелье. Но тогда он был с одной стороны, а теперь – со всех. Ива вновь сжалась в комок, осознав страшную истину: через нее только что прошли еще два привидения. Знахарка поняла, что они проникли по проложенному ими с Гретхен пути. Более того, они постоянно шли следом, и Ива ощущала их присутствие. Шестым, седьмым или еще каким-то чувством травница догадалась, что это призраки брата Гретхен и брата того ведьмоненавистника Грегори.

Привидения вплыли в комнату, и все мгновенно повторилось. Ужас сковал все тело и разум Ивы, и ей оставалось только беспомощно наблюдать за разыгрывающейся на ее глазах трагедией. Призраки набросились на барона, а Грет-

хен... попыталась его защитить. Она говорила, что он ни в чем не виноват и кто-то их подставил. А привидения двух молодых мужчин хохотали и кричали, что их тела сейчас лежат в сырой земле по его приказу. И сейчас убитый беглый каторжник вместе со своим убийцей пришли покарать того, кто приказал все это сделать. А в глазах Гретхен тем временем загорелось пламя – ничуть не тише ее погребального костра – и она бросилась на брата. Они сцепились, совсем как дети на деревенском дворе, а Ива корчилась под дверью, тихонько умирая от страха.

Для нее все реплики за и против барона слились в одно неразделимое месиво. Знахарка чувствовала, что еще чуть-чуть – и ее нервная система рухнет. Она закричала. Сорвалась на вопль. Ей было наплевать на то, что она привлечет к себе внимание трех злобных голодных привидений. Казалось, сейчас от ее голоса полопаются зеркала в роскошной спальне. Но что удивительно – призраки замерли. На одно вечное мгновение они застыли. А затем все трое, словно внезапно очнувшись, бросились на барона. Лишь кто-то из них – Ива до сих пор не знает кто – крикнул: «Беги!» И она побежала. Единственное, что она сумела сделать – это сдернуть с постели полуживую от страха девушку – любовницу барона и потащить ее за собой. Причем куда та делась после того, как они выскочили за дверь, Ива тоже не помнила. У нее было занятие поважнее, чем наблюдать за подругой по несчастью, – она бежала. Мчалась прочь от этого места, от разга-

данной таким странным образом – хотя тут можно и поспорить – загадки, от трех взбесившихся привидений, от ужаса, что ломает души. Она бежала прочь, зная, что ни одна сила в мире уже не спасет незадачливого барона, посмевшего играть жизнями магов.

И как она выбралась в лес, Ива тоже не помнила. Да и что делала следующие несколько часов – тоже.

Как узнала она потом, барон – совсем еще молодой – умер от сердечного приступа.

Такова была официальная версия.

Ива стояла, прижавшись к шершавой коре дерева, и отчаянно до боли и слез вслушивалась в чуткую тишину ночи. Лес сегодня не спал. Близились весенние праздники, которые, в отличие от зимних, не имели точной даты, но ошибиться в их приходе было невозможно: просыпались ручьи, оживали ветра, и откуда-то из глубины земли раздавалась песня весны...

И взвивались до неба костры. Искры их летели к небу, к собратьям, которых глупые люди почему-то называют звездами. И не было на земле ни человека, ни зверя, ни какого другого существа, кто не чувствовал и не признавал победу всепоглощающей царицы-весны.

Дальние костры все манили и манили знахарку к себе. Зудели ноги от желания отправиться в пляс. Горели глаза отблесками далеких звезд. Кожу обжигал ликующий ветер.

Сжималось сердце. На губах плясала смеющаяся ночь.

Когда девушка вошла в круг танцующих, никто не удивился. Они вскинули руки, в едином порыве приветствуя колдунью-весну, и знахарка воззвала вместе с ними, чувствуя всей кожей, как оживает вокруг земля: ворочаются в ней нерожденные травы, радуются ожившие воды и просыпаются древние силы.

Никто на этой поляне, как и на многих других, уже не был самим собой, или, наоборот, только этой ночью люди и становились настоящими. Исчезали накопленные поколениями знания, их место занимало единственное истинное желание. И люди кружились в самом древнем танце, а вместе с ними танцевали духи земли, души тех, кто уже ушел, и тех, кому только предстоит прийти. Встречались руки, и каждый из тех, чьи ладони сомкнулись в том танце, знал одну великую тайну – время плясало вместе с ними. Потому что нет ни прошлого, ни будущего – есть только миг и все идет по кругу. Забвения нет. И смерти нет. И нет конца. И так будет всегда, покуда люди будут встречать весну танцем, покуда она будет пьянить кровь, а искры лететь в бездонное темное небо...

Глава 3

Грозы месяца травня

*И это лучшее на свете колдовство!
Ликует солнце на лезвии гребня!
И это все, и больше нету ничего!
Есть только небо, вечное небо!*

Группа «Мельница»

Кладбище было очень старым. Многие могилы почти провалились. Надписи на плитах стерлись. А ограда даже не думала выполнять предназначтанную ей богами функцию. Нельзя сказать, что Ива обрадовалась, когда, сбившись с дороги, набрела на этот погост. Однако за ним приветливо дымила трубами деревушка, а желудок настойчиво напоминал знахарке: где печи, там и еда.

Иву все-таки останавливал тот факт, что она появится в селе со стороны кладбища, а не придет по новой дороге. Ничего хорошего это не предвещало. Тетушка всегда говорила: «Бойся идущих с кладбища. Они идут от смерти, и смерть несут на глазах своих». У знахарки не было оснований предполагать, что другие люди не придерживаются того же мнения.

Во избежание всевозможных недоразумений, по-хороше-

му, ей бы следовало вернуться к развилке и пойти по другой дороге. Однако против этого выступали желудок и ноги, которым категорически не нравились эксперименты хозяйки, заключающиеся в многодневных переходах без пищи и ночлега. Как известно, эти органы умеют убеждать лучше жрецов Всеблагого, так что Ива вздохнула для порядка и скорым шагом продолжила путь через кладбище. Сумерки не лучшее время для таких прогулок – она это смутно подозревала.

Не успела знахарка сделать и пары шагов, как сверху раздалось препротивное карканье, в мертвой (уж простите за каламбур) тишине кладбища прозвучавшее совсем уж злое. Ива дернулась и, вскинув голову, увидела на ветке засохшего дерева большого ворона. Тот в свою очередь покосился на травницу и еще раз, только более зло и ехидно каркнул.

Знахарка застыла, не представляя, что делать. Вороны всегда считались носителями самых древних знаний, воплощением мудрости, заодно и пророчили понемногу, но, опираясь на собственный опыт, Ива была убеждена, что хорошего черные оракулы не предсказывают.

Девушка осмотрелась. Кладбище, как ему и положено, выглядело заброшенным, мрачным и пугающим. С другой стороны, рассудила Ива, это может быть обычный ворон, мало ли их здесь водится... И смело сделала еще шаг. В одно мгновение серое грозовое небо, на фоне которого так эффектно выглядело старое сухое дерево с громадным черным

вороном на костлявой ветке, запылало оранжевым огнем. Пламя извивалось и кружилось, протягивая к травнице жадные голодные пальцы. Ива в ужасе отпрыгнула, и видение мгновенно исчезло. Лишь ворон на ветке продолжал хрипло хохотать.

Знахарка погрозила кулаком наглой птице, решившей подшутить над суеверным человеком, и назло ей направилась к деревушке прямым путем. Никаких недоразумений больше не произошло, однако в самой деревне травнице оказались почему-то не рады. Обычно Ива получала ночлег за небольшую помощь: то вылечит кого-нибудь от насморка или там прыщей в неудачном месте, то зелье какое приготовит (как правило, любовное), то над огородом пошепчет, чтобы лучше росло. Сейчас же ее хоть и пустили, причем далеко не в первый дом, но подсунули такую работенку, что проще было снова переночевать в лесу, – уж больно тяжелая оказалась больная. Вот только организм настаивал на своем: мол, ночевки на голой земле для него не полезны. Ива вздыхала и решила, что лучше пойдет в корчму, хоть там и придется раскошелиться. Денег было жалко. Особенно с учетом того, что она давеча потратила их добрую половину на неизвестные ей заморские травы. Говорят, у каждого свои слабости. Ива очень надеялась, что у остальных людей они не такие... затратные.

В тот момент, пока она размышляла, в маленькую комнатку, где лежала больная, ввалился грузный богато одетый

мужик с лицом, говорящим о его любви ко всякого рода...
удовольствиям. Это к вопросу о слабостях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.